

Колдовские миры

КИРА
ИЗМАЙЛОВА

Алийское зеркало

Annotation

Верно говорят, ничего в жизни случайно не происходит. Казалось бы, что за надобность была ключнице Марион спасать алийского посланника, прибывшего в герцогский замок? Вроде никакой! Вот только оказалось, что было у него к ней дело, и очень важное. Касалось оно таинственного волшебного ключа, когда-то отданного алиями на хранение еще ее бабушке, а теперь вот понадобившегося назад. И кто теперь объяснит, почему ключ так важен и какую дверь он должен открыть или, наоборот, запереть? И правда ли, что раньше он принадлежал жадным и злобным феям, бежавшим из этого мира? А самое главное: сможет ли теперь Марион жить по-прежнему или однажды ей придется бросить всё и отправиться скитаться, спасая самое драгоценное, что только у нее есть на свете?

Кира Измайлова

Алийское зеркало

Разработка серийного оформления *Ф. Барбышева, А. Саукова*

Колдовские

Миры

Иллюстрация на переплете *С. Дудина*

Вам когда-нибудь доводилось видеть алия, пьяного до изумления? Мне вот раз довелось. Его величие еле-еле стояло на ногах, придерживаясь за стену, и не падало только потому, что никак не могло решить, в какую именно сторону ему рухнуть. Поскольку выбор был достаточно обширен, то оставалась надежда, что некоторое время алий еще удержится в вертикальном положении.

Я бы прошла мимо — не мое дело, что там господа вытворяют, — если бы дело происходило в другом месте. А так я удивилась — ну с чего это алия занесло в то крыло, где слуги обитают? Да еще в таком виде... Неужели перебрал настолько, что позабыл, куда шел, да и заплутал?

Я подошла поближе и осторожно спросила:

— Господин, все ли с вами хорошо?

На мои слова он никак не отреагировал, он вообще, похоже, меня не видел. Что ему совсем не хорошо — это любой дурак бы понял. Нет, разило от его величия, как из винной бочки, но вот глаза у него были трезвые. Глаза трезвые, а взгляд какой-то пустой и словно бы остановившийся, как бывает от сильной боли.

Тут уж мне стало не до шуток и не до раздумий. Что, если сиятельного гостя кто-то вздумал отравить? Желающих, думается мне, найдется немало!

Я в точности не знала, чего ради алии явились с визитом, не моего ума это дело. Однако слышала кое-что о договоре насчет торговли, а еще о подорожных пошлинах — их княжество ведь аккурат у нас под боком. А мало ли? Вдруг кому-то из соседей вовсе не хочется, чтобы товары шли через наши земли, вот и решили свинью нашему герцогу подложить. Известно, как алии не любят, когда люди их хоть как-то задевают, а если уж убить вздумают, да кого, посла!.. — дня не пройдет, как приграничные деревни запольхают! Это дела алии долго обсуждают, чтобы ни единой тонкости не упустить, ни одной буковки в документе не перепутать (слыхала я, как наши придворные от их дотошности волками воют и ругаются на чем свет стоит), а вот на расправу куда как скоры...

Так вот, это все быстро у меня в голове пронеслось, а я тем временем уже действовала. Хорошо, до моей комнаты совсем недалеко было, иначе я это сиятельное величие ни за что в жизни бы туда не дотащила. Это только издали кажется, что алии хрупкие да тонкокостные и никогда ничего тяжелее флейты в руках не держали. На самом деле один такой за пару минут рукопашной положит десяток не самых последних бойцов из людей и навряд ли при этом запыхается: устраивали недавно их слуги потешные бои с герцогскими оруженосцами и подручными, я видела кое-что... А если у алия будет хоть самый завалященький кинжал, я уж молчу о луке со стрелами... Словом, не стоит с ними связываться, опасный это народ!

Я девица не из слабеньких, однако ж еле-еле управилась. Алий оказался высоченным, вдобавок, утратив поддержку в виде прочной стены, завалился на меня всей тяжестью. Ну, мне не впервой пьяных господ до опочивален провожать, справилась и сейчас. Хорошо еще, по пути никто не попался, спали все давно, а кто не спал, тот вино господам разносил.

Что делать, я знала. Ядами в наших краях частенько балуются, поэтому даже самый распоследний слуга знает, как поступить, если вдруг его господин начинает хрипеть и валится на пол, пуская слюни... Понятно, против быстрых ядов ничего не поделаешь, а с

чем-то попроще, вроде крысиной отравы, еще можно побороться. Что его великолепие именно этой гадостью траванули, я почти не сомневалась. Во-первых, он был еще жив, на человека (или алия, они куда живучее) крысиный яд не сразу действует. Во-вторых, от алия несло розовым вином с южных виноградников, а оно такое душистое и терпкое, что слабый запах и легкую горчинку отравы перебивает напрочь, стало быть, именно в вино яду и подсыпали. В-третьих, я уж сказала, от крысиного яда умирают долго и... некрасиво, словом. Разве для алиев хуже оскорбление придумаешь? Ладно бы еще ножом в бок пырнули, а то — крысиный яд! После агонии на покойничка смотреть страшно, с души воротит, а ведь алии считают, что смерть должна быть достойной. В общем, я не сомневалась, что обо всем догадалась верно.

Рассуждать-то я рассуждала, а тем временем дело делала. У меня все всегда под рукой, по-другому при моей должности нельзя. За кипятком на кухню самой пришлось бежать, а то пока дозовешься кого, уже ничего и не понадобится...

Вы когда-нибудь видели алия, которого выворачивает наизнанку? Я вот видела: зрелище малоаппетитное, а от человека в тот момент его великолепие абсолютно ничем не отличался. Я тем временем кой-каких травок заварила, как меня бабушка учила. Это зелье даже выглядит тошнотворно, от запаха и здорового воротит, а уж про вкус я и вовсе молчу... Зато отрезвляет моментально, да и от похмелья спасает лучше не надо (если, конечно, кто решится эту пакость выпить). Собственно, алию деваться некуда было: после того как тебя полчаса отчаянно тошнило, особенно не посопротивляешься, а я, повторюсь, девица крепкая, у меня еще никто не вырывался... Ну а поскольку я в отвар еще кой-чего добавила, то у его великолепия живо глаза закрылись.

Дышал он ровно, умирать не собирался... До утра, глядишь, оклемается, тогда пускай сам и решает, что делать да как быть! Правда, сомнительно, чтобы он хоть о чем-то вспомнил, ну а я стану твердить, мол, он просто упился до полного неприличия и свалился в коридоре. Не звать же было слуг на подмогу, чтобы тащить его великолепие через весь замок в его покои, устроив несусветный шум? Это ж для алия позор на всю оставшуюся жизнь, а поскольку живут они немало... Думаю, он меня еще и поблагодарит, и за молчание заплатит. Опять же и человеческий интерес соблюден: кто бы ни сыпанул в вино крысиного яда, он желаемого не добился, стало быть, все останется по-прежнему и никакой беды не приключится. Вот и хорошо!

Я взглянула на спящего алия. Между прочим, спал он на моей кровати, так что мне предстояло коротать ночь в старом кресле. Хотя что там коротать, до утра всего ничего осталось! Господа к рассвету как раз улягутся (кто еще на ногах стоит), а у слуг самая работа начнется: прибраться, обед приготовить, да мало ли еще что... А я знай доглядывай, чтобы все делалось вовремя и как полагается, а то, случись что, кому отвечать придется? Правильно, старшей ключнице!

Мне эта должность от бабушки досталась. Кто-то нос сморщит и фыркнет, дескать, подумаешь, всего-навсего ключница, даже не горничная при герцогине и тем более не придворная дама... Однако кто, спрашивается, день за днем следит за порядком в замке, проверяет кладовые, составляет списки необходимого, отряжает слуг на работу, ругается с экономом и старшей поварихой? Снова я...

Бабушка моя, начинавшая всего-навсего младшей помощницей при тогдашнем ключнике, прижила моего отца от внебрачного сына тогдашнего герцога, чем всегда очень гордилась. Герцогский бастард, впрочем, вскоре пропал, и никто больше никогда его не

видел и не слышал о нем. Ходили слухи, что к этому исчезновению приложил руку сам герцог: у него был лишь один законный сын, и тот еще совсем юный, вот старик и опасался, что резвый бастард возжелает избавиться от сводного брата и занять отцовское место. (Впоследствии, говорят, герцог признавал, что, может быть, оно было бы и к лучшему.) Что на самом деле приключилось с моим дедом, неизвестно: то ли просто отослали с глаз долой, то ли вовсе пустили в расход, теперь уж никто не скажет...

Отец же мой, не дождавшись, пока бабушка найдет ему подходящую супругу, может быть, даже не совсем из простых, затащил на сеновал красивую деревенскую девку... Так на свет появилась я. Отец же испарился, вероятно, убоявшись материнского гнева, и с тех пор его никто в нашем герцогстве не видел: должно быть, эта способность исчезать бесследно передавалась по мужской линии.

Бабушка сперва схватилась за голову, а потом забрала к себе мою мать со мною вместе. Однако мама в замке не прижилась: буйные забавы господ ее пугали, а в горничные она не годилась, поскольку представления не имела, как обращаться с дамскими платьями и прическами. В поварах же или простую прислугу ей хода не было: бабушка не допустила бы, чтобы невестка старшей ключницы (к тому времени бабка уже заняла это место) горбатилась наравне с мелкой челядью. Вот поэтому мама вскоре отправилась обратно в деревню, где вскоре и вышла замуж — приданое за ней бабушка дала неплохое. Теперь у меня сводных братьев и сестер человек семь наберется.

Я же осталась при бабушке — она взялась воспитывать из меня достойную преемницу, и с самого раннего детства я была при ней: училась читать, писать и считать, запоминала, как ведется большое хозяйство, как искать недостатки, ловить нечистых на руку слуг, сберегать герцогское добро...

Я отвлеклась от воспоминаний и снова посмотрела на спящего алия. Сейчас в нем не сыскать было и капли знаменитой волшебной красоты. Лицо казалось бледным до зелени, глаза запали, даже нос заострился, перепутанные волосы промокли от пота и облепили виски. И не казались хваленые алийские локоны ни золотыми, ни серебряными: обычные светло-русые, пепельные даже, но в неверном свете лампы поди разбери... Должно быть, на солнце эти кудри и впрямь засверкают серебром! Если их отмыть, да.

Впрочем, недосуг мне было полумертвых алиев рассматривать. Я начала прибираться, а заодно размышляла, как все-таки поступить и что говорить алию, когда он очнется. Положим, байку про то, как я его в коридоре повстречала, я ему расскажу, но если он хоть что-нибудь помнит, то не поверит. И тогда либо решит промолчать, чтобы не поднимать скандала, либо... Чего доброго, меня в свидетельницы потянет, а это его светлость, герцога нашего разлюбезного, вовсе не порадует! Да и мне репутацию портить не с руки... Первая заповедь, что мне бабушка в голову вдолбила: старшая ключница про все и всех в замке должна знать, все видеть, все подмечать и принимать к сведению, но при этом помалкивать. Иначе какой от нее прок?

Я выпрямилась и взглянула в зеркало. Его бабушке подарила одна из дочерей старого герцога как раз за умение молчать: бабушка застала ее в весьма недвусмысленной ситуации с одним придворным, бедным, почти нищим, зато красивым и пылким. Это при том, что у девушки уже жених имелся, которого ей отец подыскал, немолодой и далеко не красавец, зато весьма влиятельный вельможа, отношения с которым портить было не с руки. Бабушка и сделала вид, будто ослепла и оглохла, и никому и словечком не обмолвилась. (Мне вот только рассказала, да тогда уж ни того вельможи, ни старого герцога в живых не было, а

любеобильная девица давно внуков нянчила.) Вот откуда взялось это зеркало, по тем временам вещь редкая и дорогая, пускай и не слишком большая — поменьше обеденной тарелки, пожалуй... Однако и теперь такой чистоты стекло не враз отыщешь, а и отыщешь — стоит оно будет на вес золота, а то и побольше.

Из холодной глубины на меня взглянула суровая на вид статная темноволосая девица. От этой суровости да еще от строгого платья и гладкой прически кажусь я старше, чем есть на самом деле, зато придворные кавалеры не суют мне в руку золотые, приглашая лично прибраться у них в опочивальне. Пробовали раньше, конечно, только стоило мне глянуть в упор, эти галантные господа мигом куда-то испарялись. Бабка говорит, точно так старый герцог смотрел, когда ему что не по нраву было. А и верно, я видела фамильные портреты герцогского рода: эти холодные серо-зеленые глаза, считай, у каждого, и прищур одинаковый! Нынешнему герцогу, правда, ни взгляда отцовского, ни характера не досталось, а вот наследник его — вылитый дед. Может, и нехорошо так говорить, только многие ждут не дождутся, когда, наконец, он отцовское место займет: совсем тот сдал к старости, а все еще за власть цепляется, никак ее сыну уступить не хочет...

Я закончила уборку, села в кресло, думала вздремнуть до рассвета, но спать не хотелось. Какой уж тут сон, когда не знаешь, чего от завтрашнего утра ждать! И надо мне было этого алия к себе тащить?.. Но ведь все равно ничего другого не оставалось, что уж теперь казнить?

Так я и промаялась до утра, не зная, что предпринять. Пойти, может быть, к его светлости да и рассказать все как есть? Он, в отличие от отца, за голову хвататься и в панику впадать не станет, а что-нибудь дельное придумает, такое, чтобы и алиям обиды не вышло, и у нас беды не приключилось... Но этак я поступлю лишь в том случае, если самой не удастся с алием договориться. Впрочем, на это я мало надеялась: ну кто я такая, чтобы их величие со мной разговаривать стал, а тем более — договариваться? Служанка обыкновенная... (Тут я глянула в зеркало и взялась за гребень — не дело даже после бессонной ночи выглядеть растрепой, бабушкина наука.)

«Нет, герцогу лучше ничего не говорить, во всяком случае пока, — решила я, причесываясь. — А вдруг окажется, что это его рук дело или кого-то из придворных и обо всем он распрекрасно знает... То-то я влипну! А вот алию лучше рассказать, не то неизвестно, чем его еще попотчевать могут. Пусть уж остережется... Мое дело — предупредить, а если он слушать меня не станет — ну так кто ж ему враг?»

Стоило мне об этом подумать, как алий (будто мысли мои прочитал!) очнулся от мертвого сна, разлепил длиннющие ресницы и взглянул на меня вполне осмысленно.

Вот тут-то мне и стало понятно, отчего наши придворные прелестницы из кожи вон лезут, лишь бы обратить на себя внимание кого-нибудь из их величеств. Что там лицо, что там локоны золотые-серебряные!..

Ох и глаза же у него были... Вчера-то мне некогда было разглядывать, а теперь...

Глаза у алия оказались не синие и не зеленые, не бирюзовые и не серые — говорят, морская вода такая, изменчивая, да я моря не видела, врать не стану, — очень темные, в тени и за черные бы сошли, и в то же время прозрачные... Словом, не бывает у людей таких глаз. Меня аж мороз по коже продрал.

— Где я? — спросил он совсем тихо. Видать было, в голове у него полная ясность наступила. Иначе и быть не могло, бабкины травки никогда не подводят. — Кто ты такая?

— Я старшая ключница этого замка, — негромко ответила я (голова у него с похмелья

должна была болеть, вот я и поостереглась), — а вы, ваше великолепие, вчера пьяны были до такой степени, что в коридоре чуть не упали. Уж простите, до ваших покоев мне никак вас не дотащить было, а слуг я звать не стала, только шум лишний поднимать...

Я полагала, он быстро сообразит, что к чему, и начнет приказы сквозь зубы цедить, как алии это обычно делают, но он только задумался на минуту и спросил:

— В каком коридоре?

Вот тут меня оторопь взяла. И только сейчас я вспомнила вчерашнее свое удивление: в самом деле, что позабыл алий там, где я его подобрала?

Ответила я правду, потому что врать смысла не было:

— В том коридоре, что ведет в крыло, где слуги живут.

Тогда он огорошил меня еще больше, спросив:

— Я был один?

— Я никого больше не видела, — ответила я чистую правду, а сама подумала: то ли у него с головой не все в порядке, то ли тут затевается что-то нехорошее.

Он призадумался на минутку, потом словно бы что-то сообразил и задал очередной вопрос:

— Раз ты старшая ключница замка, стало быть, ты и есть Берта Трай?

Я чуть дара речи не лишилась, но все же совладала с собой и ответила:

— Никак нет, ваше великолепие, я ее внучка. Берта Трай умерла позапрошлой зимой.

Алий взглянул на меня, убедился, что я не шучу, и рассмеялся коротко и зло, словно говоря: «Ну и дурак же я!» Должно быть, его великолепие напрочь позабыл, что люди живут куда как поменьше алиев! Такое случалось, и не раз, и ладно бы со слугами — их и люди не запоминают, зачем? Но ведь и герцогов алийские послы распрекрасно путали с их предками! И поди знай, то ли случайно, то ли нарочно, чтобы подчеркнуть, насколько алии выше каких-то там недолговечных людишек... Ух, как герольды этого боялись и как костерили потом алиев, если удавалось вывернуться... а если не удавалось — так и втройне! Надо ведь было и этикет соблюсти, и дать понять его великолепию, послу алийскому, что тот самую чуточку ошибся, всего-то на два-три поколения... И при этом не оскорбить, не обидеть даже в самой малости, ухитриться ни малейшего намека не допустить на то, что люди усомнились в алийской безупречности! Словом, нет ничего удивительного в том, что таких гостей у нас не любят.

Но я отвлеклась.

Конечно, одна загадка разрешилась: теперь ясно стало, что делал его великолепие ночью в коридоре, который ведет в крыло прислуги. Ему зачем-то понадобилась бабушка Берта, он, должно быть, дождался, пока остальные перепьются до такой степени, что не обратят внимания на его уход, и отправился сюда. Только кто-то, видно, знал или догадывался о предстоящем визите его великолепия и озаботился тем, чтобы алий никуда не дошел. Но то ли не рассчитал с порцией отравы, то ли на алиев крысиный яд действует иначе, чем на людей... Во всяком случае, он почти добрался до места, прежде чем его скрутило. И вот теперь ломай голову: что же все-таки могло связывать алия и мою бабушку? И какие неприятности могут мне грозить из-за этого?

— Значит, Берта умерла... — протянул алий, потом снова взглянул на меня, а я опять поразились необыкновенной красоте его глаз. Вот только холод в этих глазах царил невозможный, обледенеть впору. — Ты ее внучка... Скажи, она не передавала тебе на хранение какую-нибудь вещь?

— Какую вещь, ваше великолепие? — вконец ошалев, спросила я.

— Передавала или нет? — не терпящим возражений тоном повторил алий.

— Нет, ваше великолепие, — смиренно отвечала я, памятуя о том, что терпение алиев лучше не испытывать, поскольку этой добродетелью их великолепия обделены начисто.

— Берта не рассказывала тебе никаких... — Он сдвинул брови, как будто пытался подобрать подходящее слово. Может, и так: алий говорил по-нашему чисто, почти без акцента, но все равно чувствовалось — этот язык ему не родной. Время от времени он будто в словарь заглядывал и проверял, нужное ли слово выбрал, то ли оно означает, что он хочет высказать? Звучит странно, но так оно выглядело со стороны. — Никаких историй, тайн, связанных с каким-либо предметом?

— Нет, ваше великолепие, — окончательно растерялась я. Меня уже не столько занимали бабушкины тайны, сколько то, что алий вполне мирно со мной беседовал. — Разве что... говорила про это вот зеркало.

— Что именно? — спросил он, коротко взглянув на свое отражение и брезгливо отвернувшись, и я пересказала ему историю про дочку старого герцога и ее безденежного любовника. Впрочем, алий почти сразу потерял всякий интерес к моему рассказу, сказав: — Не то... Больше ничего?

— Нет, ваше великолепие, — в который раз повторила я и добавила: — Может быть, она и рассказала бы, раз это было так важно, только бабушка умерла внезапно, ночью, просто заснула и не проснулась.

Алий вполголоса произнес что-то не по-людски, выругался, должно быть, и снова задумался. Мне, признаться, некогда было на его красоту таращиться, потому что уже рассвело, и мне следовало приниматься за дело.

— Ваше великолепие, — решилась я прервать мрачную задумчивость алия. — Вы уж извините, но меня работа ждет... Все, что мне от бабушки осталось, здесь, в комнате, ничего не пропало. Хотите — ищите эту вашу вещь, а я пойду, меня за безделье по голове не погладят.

Алий меня словно бы и не услышал, так что я тихонько выскользнула за дверь и с облегчением перевела дыхание. Пускай сам ищет, что ему нужно, если не побрезгует в моих вещах рыться. Уж, наверно, не присвоит скромные мои сбережения и простенькие украшения, бабушкины подарки... А у меня и впрямь дел невпроворот!

Закрутившись по хозяйству, я и думать позабыла обо всяких тайнах. Как наши господа гуляют — это ж уму непостижимо! А если еще и перед заезжими алиями начнут выделяться, так и вовсе туши свечи... Два десятка слуг к полудню еле-еле пиршественный зал в порядок привели!

А к вечеру господа проспались, поправили здоровье и приготовились повторить вчерашний кутеж... Надеюсь, алии скоро уедут, потому как такие празднички мало того что обходятся в невиданные суммы, так еще и прислугу выматывают сверх всякой меры. Поди побегай, поугождай пьяным вдрызг господам!.. И ладно бы своим, тех-то напросквозь знаешь — одному так нужно угождать, другому этак, один любит молоденьких служанок в уголке зажимать, другому непременно ванну подавай, да погорячее, один во хмелю делается буен, другой, наоборот, раскисает и начинает плакать и ушедшую юность вспоминать... А вот с алиями никогда не угадаешь, что им придется по нраву, а что нет. Хорошо, у них свои слуги есть, но с ними-то тоже надо как-то разговаривать... Та еще морока!

Так вот, после полудня я выкроила минутку, чтобы забежать к себе. Интересно, убрался ли этот странный алий восвояси?

Как оказалось, никуда он не делся. И, похоже, поискать то, что ему так нужно было, все-таки не побрезговал. Вроде ничего в комнате и не изменилось, а все же... Кресло чуть-чуть развернуто, зеркало на столике не так стоит, как я привыкла... Вроде бы мелочи, но в своем жилище их сразу заметишь!

— Как тебя зовут? — спросил меня алий, стоило мне войти в комнату.

Ну конечно, додумался спросить, не прошло и полугода... Хотя мог бы и вовсе не поинтересоваться, зачем ему мое имя?

— Марион Трай, ваше великолепие, — ответила я.

Фамилия у меня бабушкина, как и у отца. Да и дед мой не ту фамилию носил, что его родной отец. Кто б ему позволил герцогской-то называться?

— Вот что, Марион... — Имя мое алий выговорил с легкой гримаской, словно оно у него во рту застревало. — Здесь нет того, что я ищу. Но оно должно здесь быть.

— Но, может... — начала было я, но его великолепие слушать меня не собирался.

— Берта знала о ценности этой вещи, — сказал он. — Причин сомневаться в ее честности у нас не было.

«У кого это — у нас?» — подумала я, но промолчала.

— Возможно, эта вещь пропала после ее смерти, — добавил алий.

Я невольно вспомнила утро, когда нашла бабушку бездыханной...

Кажется, помогать мне тогда приходили другие служанки, всего трое. И я прекрасно помню, кто это был. Могла какая-нибудь из них прихватить какую-нибудь вещь из бабушкиной комнаты? Вполне.

— Я вижу, тебе понятен ход моих мыслей, — сказал алий, пристально наблюдавший за мной.

— Да, ваше великолепие, — кивнула я. — Возможно, эту вашу вещь стащил кто-то из прислуги, когда бабушку Берту готовили к похоронам. Я помню, кто тогда заходил сюда.

— Замечательно, — сухо сказал он. — Будь любезна выяснить, у кого эта вещь, и верни ее мне.

— Ваше великолепие! — воскликнула я, видя, что он направляется к двери. — Но скажите хотя бы, что это такое! О чем я должна расспрашивать служанок? И как?

— Как — это не мое дело, — ответил алий, холодно глянув на меня через плечо. — Могу сказать лишь одно: этот предмет был невелик и очень красив.

Я мысленно выругалась, да так, что любой конюх позавидовал бы. Поди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что! Похоже, его великолепие и сам толком не знал, что ищет...

Замечательно! Я унаследовала от бабушки должность и кое-какое имущество, а теперь выходит, что и ее странные обязательства перед алиями тоже перешли ко мне... Конечно, если я найду то, что нужно, я отдам это законному владельцу, а если не найду? Тогда что?

— Хорошо, — сказала я. — Я поговорю с теми служанками, как только представится случай, ваше великолепие.

— Прекрати величать меня «вашим великолепием», — поморщился алий.

— Как прикажете, господин, — пожалала я плечами. Какая мне разница, как именовать высокородного гостя? Лишь бы не обиделся! — Как тогда мне вас называть?

— Зови меня Ирранкэ, — сказал он. — Полного моего имени тебе все равно не выговорить.

— Как прикажете, господин Ирранкэ, — спокойно произнесла я. — Могу ли я задать вам один вопрос?

Он едва заметно приподнял брови, и я спросила:

— Эта вещь, что вы ищете... Это из-за нее вас вчера пытались отравить?

— Отравить? — В голосе алия слышалось неподдельное изумление, и я поняла — он в самом деле ничего не помнит из произошедшего вчера! — О чем это ты?

— Вчера я повстречала вас в коридоре, господин Ирранкэ, я уже говорила, — пояснила я. — Сперва мне показалось, что вы просто пьяны, но потом я догадалась, что с вами не все в порядке. Не спрашивайте о подробностях, прожив с мое в этом замке, такие вещи начинаешь понимать с полувзгляда. Судя по всему, это была обыкновенная отравка для крыс. Вероятно, ее подмешали в розовое вино, оно достаточно терпкое и душистое для того, чтобы перебить привкус и запах яда.

— Замечательно, — фыркнул алий. Глаза его потемнели, словно небо заволкло грозowymi тучами, и сделались почти черными. — Хорошо. Я благодарен за предупреждение. Когда допросишь тех, кто мог стащить... эту вещь, найди меня. Мы задержимся здесь еще на несколько дней.

С этими словами алий покинул мою комнату, чему я была несказанно рада. Тяжело все же с ними разговаривать, особенно если не ограничиваться «да, господин» и «будет сделано, господин»...

Ничего не поделаешь: выкраивая по несколько минут, уже к вечеру я сумела переговорить со всеми тремя служанками. Как и следовало предполагать, ничего ценного я от них узнать не смогла. Правда, одна из них так долго мялась перед тем, как ответить, что я уж было обрадовалась, но... Выяснилось лишь, что нахальная горничная не устояла перед соблазном и прикарманила несколько серебряных монет, непредусмотрительно оставленных бабушкой Бертой на столике у зеркала. Воровка клялась именем Создателя, что больше ничего не тронула, и я вынуждена была поверить ей на слово.

Впрочем, навряд ли я сумела бы отличить наглое вранье от правды, я всего лишь ключница, а не герцогский дознаватель! Конечно, должность моя такова, что разбираться в людях необходимо, но... опыта у меня, как ни крути, пока маловато. Вот бабушка — та вмиг

бы поняла, врет горничная или говорит правду!

Другие две служанки, немолодые и вполне порядочные женщины, заметно удивились моим расспросам, однако и они уверяли, что ничего не брали...

И что мне оставалось делать? И что я могла предпринять, по большому-то счету? Оставалось только пойти и доложить как есть, а дальше его великолепие пускай сам разбирается...

И только я всерьез собралась отправиться искать алия, как ко мне припожаловала гостья. Была это моя матушка, и в любой другой день я бы очень ей обрадовалась, но сегодня ее рассказы о деревенском житье-бытье пролетали у меня мимо ушей.

Вдобавок возникла у меня интересная мысль: почему это его великолепие так уверен, что таинственная вещица пропала именно после смерти бабушки? Если вещь была так важна, вряд ли бабушка держала ее на виду или носила с собой. Скорее всего, она припрятала доверенную ей ценность как следует... Но я заглянула в наш тайничок: ничего там не было, кроме нескольких монет, прибереженных на черный день. Но, может быть, кто-то еще знал о тайнике? Знал — и прибрал ту вещицу к рукам, рассчитывая на то, что бабушка не каждый день заглядывает туда?

Я взглянула на матушку, одетую в лучшее платье. Она всегда наряжалась, когда шла навестить меня, — гордилась, что дочь служит в замке, да не судомойкой или горничной, а ключницей! — вот и старалась не ударить лицом в грязь. Я прекрасно помнила эту темно-синюю ткань, слишком дорогую для простой крестьянки, равно как и скандал, разразившийся из-за нее в замке пару лет назад.

Дело было так: одна из придворных дам заказала себе отрез прекрасной материи, рассчитывая пошить платье для конных прогулок, но оказалось, что другая модница ее опередила. Расстроенная красавица велела случившейся поблизости бабушке выкинуть отрез с глаз долой, но, конечно, та и не подумала выполнить приказ: не в ее привычках было разбрасываться хорошими вещами. Ткань эта пролежала в сундуке до тех пор, пока окончательно не вышла из моды (а произошло это очень скоро), и тогда бабушка отдала ее матери. Да-да, так и было! Бабушка как-то раз затеяла разбирать вещи перед зимними праздниками и нашла этот отрез, думала еще, что с ним делать: мне что-нибудь сшить или себе... А потом к нам заглянула мама, ей он и достался, отличный подарок, не стоивший бабушке, по сути, и медной монетки!

Что и говорить, она была прижимиста, а матушка радовалась любой мелочи. Хорошая же материя — вовсе не мелочь! Там не только матушке на платье хватило: она ведь не носила пышные юбки со множеством складок и шлейфом, как придворные дамы, поэтому еще и моим сестренкам на обновки осталось. То-то соседки завидовали...

И тут меня посетила кощунственная мысль: а уж не она ли?... Думать так было стыдно, но... житье-бытье в герцогском замке приучило меня думать о людях не слишком хорошо. Слишком часто я видела, как любящие родственники рыдали на похоронах ими же отравленных мужей и жен, дядьев и кузин, а потом сцеплялись за наследство не на жизнь, а на смерть, куда там бойцовым псам!

Ведь матушка была здесь незадолго до бабушкиной смерти? Была... И ведь она могла даже не подозревать о ценности той вещи! Несмотря на возраст и уйму детишек, в некоторых вещах она — суший ребенок.

— Матушка, — сказала я, перебив рассказ о проказах самого младшего своего братишки. — А ты помнишь, когда в последний раз видела бабушку?

— Так на похоронах, — удивленно ответила она.

— Нет, я имею в виду, еще живой, — пояснила я.

— Ну... — задумалась она. — А вот прямо перед тем, как померла она... Ну да. Тогда она мне денег немного дала да младшеньким гостинцев собрала, как обычно делала... Точно, точно, а на следующий день и не стало ее...

— А когда ты была здесь, — начала я, чувствуя неожиданный азарт. — Ты... Матушка, не подумай, что я обвиняю тебя, но... Ты не брала ничего из нашей комнаты? Безделушку какую-нибудь?

По внезапному румянцу, залившему ее лицо, я поняла, что попала в точку. Врать она не умела совершенно, а когда пробовала, ее тут же выдавали бегающие глаза и пламенеющие щеки, а то и уши.

Наверно, потому и в замке ее бабушка не оставила: чтобы тут служить, нужно быть себе на уме, держать язык за зубами и, если уж по собственной косорукости что-нибудь натворила, уметь извернуться так, чтобы избежать наказания. Скажем, горничные в глаза врали хозяйкам, что это кошка прыгнула на туалетный столик, уронила флакон с духами, рассыпала коробочку пудры и закатила в какую-то щель баночку с помадой, пряча при том те самые коробочки и баночки в кармане фартука.

Духи так просто не приберешь, запах выдаст, а вот всякие мелочи наподобие красок да шпилек — запросто. Ну и, конечно, приметные вещи точно не брали, а ворованными белилами и пудрой пользовались потихоньку, когда на свидания бегали. А то и продавали это горожанкам, знала я и таких девиц...

— Ой... — сказала матушка, комкая накрахмаленный передник. — Да я ж... я ж не нарочно... Так как-то само собой вышло... Разве ж я стала бы?..

Из ее путаного рассказа я сумела понять следующее: в тот день, когда матушка пришла к бабушке, та очень торопилась по делу и велела ей подождать. Дожидаясь, матушка разглядывала комнату, дивилась на зеркало, какие не у всяких господ имеются, и вдруг заметила на подзеркальном столике какую-то вещичку. Я же говорю — кое в чем она сущий ребенок и, увидев что-нибудь блестящее, ни за что не удержится, чтобы не схватить ее и не рассмотреть поближе. Так оно и вышло... Но стоило матушке взять ту штучку в руки и начать разглядывать, поражаясь тонкой работе, как вернулась бабушка.

Матушка ее всегда побаивалась, к тому же знала, что та не любит, когда без спроса берут ее вещи, потому и спрятала безделушку в карман, рассудив, что потихоньку положит ее на место, как только бабушка отвернется. Но случая так и не представилось, признаться честно, мама побоялась, так и ушла, унося с собой явно дорогую и красивую вещь.

Мучилась она при этом несказанно, поскольку чужого в жизни не брала... Хотела на следующий день заглянуть еще разок и отдать вещичку мне, чтобы я тайком положила на место, да закрутилась по хозяйству... И вдруг ей сообщили, что бабушка-то умерла. Тут уж вовсе не до блестящих безделушек стало.

— Так она все еще у тебя? — не веря своей удаче, спросила я.

— У меня, у меня, — кивнула она. — Припрятала я ее как следует, чтобы маленькие случайно не нашли, а то заиграют. Выбросить жалко, красивая, да и выглядит дорого, продать — так не моя ж она, да и спросят, откуда взяла? По-хорошему, давно надо было тебе отдать, да только... — Она замаялась. — Вот уж в руки возьму, соберусь с собой захватить, как к тебе пойду... ан не могу! Не пускает что-то... Вот ведь! Отродясь жадиной не была, никогда к барахлу не привязывалась, а тут...

— Вот что, — перебила я. — Я-то про эту вещичку и вовсе знать не знала. А тут пришел ко мне один знатный господин, да и говорит, мол, вещь эта была твоей бабке на сохранение дана, так что изволь вернуть! А я ни сном ни духом!.. Хорошо, догадалась тебя спросить.

— Дорогая, да? — спросила матушка, и я тут же поняла, что просто так она мне ту безделицу не отдаст. — А господин-то богатый, поди?

— Очень богатый, — поспешила я заверить, подумав, что вряд ли алий откажется заплатить за столь необходимую ему вещь. — И грозный! Дал мне сроку три дня, чтобы эту штучку отыскать. Если найду, обещал наградить, а не найду — наказать. Так что... ты уж принеси ее, сделай милость, а я всю награду тебе отдам. Мне-то она не очень и нужна, а у тебя младшие, небось, опять из всех одежек повырастали? Зима ведь скоро! И лошадь новую вы давно купить собираетесь...

— Ох, и верно... — вздохнула матушка.

Я знала, чем ее пронять: братья и сестры мои и впрямь росли, как сорная трава, и денег в доме вечно не хватало, и то — такую ораву одеть, обуть, накормить, в учение пристроить!

— Сегодня уж не успею обернуться, — добавила она, — мне еще скотину надо обиходить, да по дому дел выше крыши... Завтра с утра непременно принесу, а ты уж постарайся, дочка, чтобы тот господин хорошенько заплатил. А то они, господа эти, обещать горазды, а как до дела дойдет, так живо в кусты!

Она явно намекала на моего отца, которого так и не позабыла за столько лет: говорила, только на меня взглянет, а он уж перед глазами стоит — статный красавец, только подмигнет, а у глупых девиц уж сердце колотится и коленки подгибаются! Вот и подогнулись... Только замуж выйти за него не удалось, я уж рассказывала.

Я заверила ее, что сделаю все как надо, проводила до ворот, а сама отправилась искать алия. Дело шло к вечеру, скоро господа снова примутся веселиться, и в этой кутерьме отыскать его великолепие будет затруднительно.

Мне повезло: алий обнаружился на одной из галерей замка, выходящих в парк. Вид у него был одновременно неприступный и невыносимо скучающий. Наши придворные прелестницы — уж я-то видела! — извелись, не зная, как подступиться к гостю, который на них и не глядел.

Мне что, я не придворная дама, разводить всякие реверансы мне не с руки, поэтому я просто подошла потихоньку и окликнула:

— Господин Ирранкэ...

— А, это ты. — Алий смерил меня ледяным взглядом своих невозможных глаз. — Удалось что-то узнать?

— Да, господин Ирранкэ, — ответила я спокойно. — Я нашла человека, присвоившего эту вашу вещь.

Говоря это, я искренне надеялась, что матушка моя тогда унесла с собой не серебряную пудреницу и не золоченую шпильку для волос.

— И где же она? — Голос у алия был по-прежнему спокойным, но я видела — он весь подобрался, как охотничья собака, почуявшая дичь, и чуть не дрожал от нетерпения.

— Дело в том, господин Ирранкэ, — сказала я, — что человек этот задаром расставаться с вашей вещью не желает. Он обещал принести ее завтра поутру, но взамен рассчитывает получить вознаграждение.

— Ясно, — неожиданно улыбнулся алий. Улыбка его совершенно не красила, скорее даже наоборот. — Сколько?

— Он надеется на вашу щедрость, господин Ирранкэ, — дипломатично ответила я.

С него стало бы отблагодарить вора десятком плетей, вот что пришло мне на ум, и отдавать такую награду матушке, равно как и забирать ее себе, мне вовсе не хотелось!

— Надеюсь, ты не сказала ему, кто я такой? — осведомился он. — Иначе жалкой полусотней золотых я не отделаюсь.

Полусотней золотых?! Жалкой?! У меня волосы на голове зашевелились! Да на такие деньжищи вся моя семья сможет жить много лет, ни в чем себе не отказывая! А если распорядиться ими с умом...

— Разумеется, нет, господин Ирранкэ, — ответила я, стараясь унять дрожь в голосе и прекратить считать мешки шерсти с не то что не остриженной, а еще и не купленной овцы. — Я назвала вас просто знатным господином.

— Хорошо, — сказал он. — Ты получишь деньги. Но если вздумаешь меня обмануть...

Я опустила глаза. Все прекрасно знали, что пытаться надуть алия не стоит. Не потому, что это невозможно, очень даже возможно, но только обманщику стоит приготовиться к тому, что жизнь его с этого момента превратится в пытку. Потому что мстью обманщику ни один алий, будь он хоть самым их князем, не погнушается, прирежет своими руками, и хорошо, если сразу, а не запытает... По части пыток алии мастера, это всем известно.

Деньги я и впрямь получила тем же вечером: увесистый кожаный мешочек принес слуга его великолепия. Многие не верят, что алии тоже бывают в услужении, но не могут же все они родиться знатными? Конечно, их слуги перед людьми тоже нос дерут будь здоров, да не только перед челядью, а и перед господами, но этот не показался мне особенно чванливым. Разговоров мы с ним не разговаривали, он просто отдал деньги из рук в руки и тут же испарился. Ну, с таким господином, как его великолепие, мешкать не стоит...

Всю ночь я проворочалась с боку на бок, а уже утром, когда причесывалась перед зеркалом, твердо решила, что всех денег матушке не отдам. Они с отчимом к таким деньжищам непривычны — или спустят на ненужную ерунду, или, чего доброго, ограбят их! Иные и за медную монетку зарежут, что уж о сотне золотых говорить? А у матушки язык за зубами не удержится, это уж точно, похвастает неожиданно привалившим богатством... А даже если и смолчит, все равно заметно будет — в деревне народ глазастый, вмиг приметят обновления, покупки... Ту же лошадь за пазухой не утаишь! Ну а там... слово за слово, матушка и сболтнет, откуда на них такое счастье свалилось, а как знать, кто может это услышать? Ключница, значит, из замка матери сотню золотых дала? А у нее такие деньжищи откуда? Украла или кто-то за что-то отблагодарил? Этак слух может дойти и до того, кто охотился за господином Ирранкэ! И вдруг он концы увяжет да и заявится ко мне выпрашивать, что у меня за дела с алиями?

Нет уж, довольно будет матушке и пяти золотых для начала, а остальное получит по мере надобности. Про такие деньги еще можно сказать, что скопили немного, я кое-что дала, а может, наследство от дальнего родственника досталось — отчим не местный, его семью тут никто не знает, можно придумать какого-нибудь дядюшку-бобыля, облагодетельствовавшего племянников.

Себе-то я эту награду не оставляю, мне своего заработка хватает... Но именно что хватает, выкроить из него лишку удастся с трудом: не такое уж у меня большое жалованье, как многие думают. Конечно, я все равно помогала деньгами семье, но то были сущие крохи. Опять же, и о себе думать нужно: случись что, оказаться без медяка в кармане и врагу не пожелаешь, а на господскую милость лучше не рассчитывать — сегодня ты у них любимая служанка, а назавтра они о тебе и думать забыли!

Ну ничего, теперь лучше дела пойдут...

Матушка не обманула, заявила еще до рассвета, отдала мне нечто, завернутое в мягкую тряпочку, взамен получила кошелек с монетами (я озаботилась разменять золото на серебро с медью, а то ведь и на этом ее обмануть могут!), пересчитала и ахнула:

— И впрямь богатый господин попался! Теперь-то уж точно лошадь купим, а может, и телочку еще одну...

— Лучше тот лужок за ручьем возьмите, — посоветовала я. — Я слышала, на будущий год там запруду будут строить, так у вас его втридорога выкупят. Не продешевите только! Я узнаю, сколько за него сейчас просят, если по-честному, и вам скажу, так что не торопитесь.

Она закивала, расцеловала меня и была такова, только подол платья мелькнул, того самого, синего...

Теперь бы не оказалось только, что вещь — совсем не та, что нужна его великолепию!

Я развернула тряпочку, чтобы получше рассмотреть безделушку: странная это была

вещица, вроде бы из серебра, только больно уж тяжелая... А работа до того тонкая, что просто не верится! Людям такого не сделать, это уж точно.

И, главное, никак не разобрать, что это такое и для чего оно нужно? Сперва поглядела — на дамскую брошку похоже: с одного конца полураспустившийся цветок наподобие розы, внутри бутона — то ли птичка, то ли бабочка, такая крохотная, что ее в зрительное стекло надо рассматривать, как ювелиры делают! Но и так, если хорошенько приглядеться на свету, видно, что у этой птички-бабочки каждое перышко видно (а может, чешуйку?) и черные глазки-камушки размером с маковое зернышко блестят. А с другого конца «стебелька» — острие, вроде как у стрелы, только зазубренное (хотя вроде бы и такие бывают, я слышала, нарочно, чтобы из раны так просто не выдернуть). Но уж больно зазубрины странные, неровные какие-то...

Чуть иначе повернула — и не заколка это никакая, а, скорее, ключ. Стержень змейка обвивает, и это у нее на голове то ли крылышки пристроены, то ли веточка плюща, на которой сидит птичка. А бородка узкая, прихотливо вырезанная, и даже представить трудно: какой же это мастер мог сделать замок, для которого этот ключ подойдет? Есть умельцы, конечно, которые и для крохотных шкатулочек делают замочки, но такой тонкой работы я никогда не видала!

Я долго вертела эту безделушку в руках, но так и не поняла, зачем она нужна... и как на самом деле выглядит. Да мне и не нужно понимать, если уж на то пошло! Я снова завернула вещицу в тряпочку, спрятала в карман и отправилась искать его великолепие.

Алий снова стоял на галерее, будто нарочно поджидал (может, и поджидал), а увидев меня, ни о чем не спросил, но посмотрел так, что стало ясно: его разбирает нешуточное любопытство, вот только к нему примешивалась и нешуточная тревога, и даже страх почему-то. Хотя разве алии чего-то бояться? Вот странно...

— Господин, — сказала я, поприветствовав его великолепие и вовремя сообразив, что знать его имя, а уж тем более произносить вслух там, где это могут услышать, мне не положено. — Я нашла то, что вы искали.

«Надеюсь, это именно оно», — добавила я про себя.

— Не вздумай достать это при всех, — негромко произнес он, глядя в сторону. — Слишком много любопытных вокруг.

Что верно, то верно, в замке соглядатаев полным-полно, и не известно еще, кому они служат.

— Придешь ночью на старую галерею. В два часа пополуночи, — сказал он и удалился.

«Дивно придумано, — только и вздохнула я. — В два часа пополуночи... А спать-то мне когда прикажете, ваше великолепие? Я уж и не помню, когда в последний раз высыпалась! В детстве разве что, когда болела...»

Но разве с алием поспоришь? Придется идти... И хорошо, если я не останусь там, на этой галерее. Как знать, может, заполучив эту вещь, он прикажет от меня избавиться?

— Чего это от тебя его великолепие хотел? — любопытно спросила Трикки, одна из горничных герцогини, симпатичная кудрявая девица моих лет.

— Сказал, в комнатах душно и постельное белье сырое, — ответила я. — И что было через слуг не передать? Нет ведь, не побрезговал, высказал лично!

— Поди пойми этих приверед, — покачала она головой. — Их светлости не жалуются, а этим все не так: то вино кислое, то хлеб не пропечен, то дичь костлявая, а теперь постели им не угодили! Интересно, как это они у себя живут? Небось на перинах из лебяжьего пуха спят

и шелковыми одеялами накрываются! А пьют, не иначе, росу и цветочной пылью закусывают...

— Да кто же знает, — вздохнула я. — Кто у них в гостях бывал? Послы разве что, да и тех, говорят, дальше порога не пускали и уж в княжеский замок на ночлег не приглашали.

— А интересно... — Похоже, Трикки хотелось почесать языком, а я пока никуда не торопилась, вот и задержалась.

Вдруг скажет что-нибудь интересное? У нее ушки на макушке, а поскольку она всегда вертится подле герцогини, то слышит много любопытного!

— Что тебе интересно?

— Ну... какие они... — Трикки принялась выразительно накручивать блестящую каштановую прядь на палец. — Да где там! Вон, позавчера один баронессе Илене от ворот поворот дал, да так грубо! Она даже заплакала, можешь себе представить?

— Неужели? — удивилась я.

Баронесса Илена числилась первой красавицей: она лишь в прошлом году прибыла ко двору, но уже снискала расположение герцога. Герцогине, разумеется, это было весьма не по нраву, и я знала, что юной баронессе недолго осталось порхать, словно бабочка: ее светлость лично озаботилась поиском супруга для бойкой девицы, желательно, такого, чтобы держал жену в отдаленном поместье.

Увы, борьба герцогини за внимание мужа была бесконечной и заведомо проигрышной: она, хоть была знатна и принесла ему немалое приданое, не говоря уж о важных политических и торговых связях, не могла похвалиться красотой. О нет, дурнушкой ее никто бы не назвал, но герцог наш предпочитал дам стройных и легких что сложением, что нравом, а ее светлость была несколько... тяжеловесна. Рослая, статная, монументальная даже, с горделивым профилем и царственной осанкой, она прекрасно смотрелась на парадных портретах и легко родила герцогу наследника и четырех дочерей. Вот только воспитана ее светлость была в строгости и не любила увеселений, от которых не мог отказаться ее муж, и уж тем более не одобряла его увлечения юными красавицами. Увы, о супружеской верности герцог рассуждал, как о сказочном звере единороге: возможно, он и существует, но кто из ныне живущих видел его воочию?

Возможно, именно потому ее светлость благосклонно относилась ко мне, что мы были чем-то схожи: я думала о своих обязанностях, а не о симпатичных придворных, как большинство горничных и служанок, и меня не в чем было упрекнуть.

— ...а он выставил ее за дверь в одной кружевной сорочке, — закончила Трикки, а я поняла, что прослушала всю душераздирающую историю о злосчастной баронессе Илене, обиженной жестокосердным алием. — И, разумеется, она занемогла от простуды!

— Бедняжка, — сказала я, хотя полагала, что баронесса отлеживается в своих покоях вовсе не из-за простуды, а лишь потому, что эта история уже стала достоянием всего замка. Ей просто хотелось подождать, пока сплетни о ее приключении немного поутихнут, чтобы не стать всеобщим посмешищем. — Надеюсь, она скоро поправится.

— Да уж, небось, не при смерти, — фыркнула Трикки. — Ладненько, отдохнула маленько, теперь побегу, не то ее светлость мне задаст!

Я посмотрела ей вслед и вздохнула: я помнила Трикки еще маленькой, она тоже была дочерью служанки и выросла в замке. Сперва помогала на кухне, потом стала подручной у матери, а там и сама сделалась горничной. Глядишь, герцогиня и ей подыщет хорошего мужа, не из дворян, конечно, но и не крестьянина. А может, оставит при себе: хорошую горничную

еще поди поищи... Что так, что этак, Трикки внакладе не останется, это уж точно!

* * *

До самой ночи мне даже присесть не удалось, и я только боялась, как бы не заснуть и не проворонить время встречи. Этак вот опоздаешь или вовсе не явишься, а его великолепие с тебя голову снимет...

Но обошлось: я все же сумела урвать часок, чтобы вздремнуть, а на галерее оказалась ровно тогда, когда часы на башне отбили без четверти два.

Там было пусто, даже парочки не обнимались в укромных уголках. Ну да на старую галерею редко кто забирается: ее давно не подновляли, камни кое-где шатаются, а парапет, того и гляди, обвалится, если на него облокотиться. Герцог давно уже подумывает снести и галерею, и самое старую башню: проще выстроить новую, чем латать эту древность, но все руки не доходят. Впрочем, подозреваю, он просто ждет, пока башня обрушится сама: нанять людей разгрести обломки всяко станет дешевле, чем платить им за то, чтобы разобрали эту рухлядь по камушку.

В старой башне давно уже живут разве что совы да летучие мыши, слишком уж тут неуютно, да еще и дует из всех щелей: скреплявший камни раствор давным-давно выкрошился, и держится это сооружение на честном слове, мастерстве древних строителей да на плюще и диком винограде, обвившем стены сверху донизу. Да еще осина подпирает, проросшая у подножия стены и нахально просовывающая ветви в узкие окошки-бойницы.

Да вот и на галерее что-то растет в трещине меж камней, заметила я. Похоже на клен: видно, семечко-крылатку принесло ветром, оно и зацепилось. Воды тут после дождей предостаточно, земли ветром нанесло... Клены растут быстро, и если дело так пойдет, то вскоре галерея и впрямь обрушится, когда корни раздвинут камни...

— Ты уже здесь, — раздалось за спиной, и я невольно вздрогнула: алий приблизился совершенно бесшумно, не потревожив ни камушка, не задев ни единой ветки плюща. — Похвально.

— Вы приказали быть здесь в два, господин. Я пришла пораньше — тут лестница опасная, пока вскарабкаешься...

— В самом деле? Не заметил, — едва заметно усмехнулся он. В свете прибывающей луны алий казался каким-то... ненастоящим, будто морок или привидение. Может, он вовсе и не поднимался по осыпающимся и крошащимся от времени ступеням, а соткался из лунного света прямо здесь, у меня за спиной? — Где?..

— Вот, господин.

Красивая безделушка легла на требовательно протянутую ладонь алия, и глаза у него вспыхнули такой радостью, что я поняла — это именно та вещь, которая была ему нужна.

— А тебе... — Он неожиданно взглянул мне в глаза, и было в его взгляде не только всегдашнее презрение к людям, а и что-то еще. — Тебе не хотелось оставить ее себе?

— С чего бы, господин? — удивилась я. — У меня нет привычки присваивать чужие вещи.

— И тебе не жаль с ней расставаться?

— Ни капли, — пожала я плечами. — Вот тот человек, у которого она обнаружилась, — тому жаль было, привык, должно быть... А мне-то она зачем?

— Просто так. Женщины ведь падки на красивые безделушки, разве не так?

— Мне не пристало украшаться такими вещами, господин. Она разве что герцогине впору, а я всего лишь ключница.

— Отчего же сразу «украшаться»? — В глазах у него отражалась луна, и выглядело это... жутковато. Наверно, так выглядит море в полный штиль. — Просто любоваться, как любовются цветами или звездами... Тоже нет?

— Позвольте откланяться, господин Ирранкэ, — сказала я вместо ответа. Мне не понятны были его вопросы, тем более я высказалась достаточно ясно. — Час поздний, а мне с утра снова нужно приниматься за работу.

— А из-за моего поручения ты не выступишь... — негромко сказал алий. — Я не подумал о том, что люди не могут не спать сутками, как мы. Извини, Марион.

Я удивилась — мысли он умеет читать, что ли? Потом опять удивилась — он назвал меня по имени, а то все «эй, ты»... Они, алии то есть, и господ-то наших не всегда по имени зовут, что уж о прислуге говорить!

— Мне кажется, на тебя можно положиться, — добавил его великолепие. — Ты похожа на Берту. Ты не откажешь мне еще в одной услуге?

— Разумеется, нет, господин Ирранкэ, — ответила я, окончательно переставая что-либо понимать. Какие такие услуги понадобились от меня алию? — Что вам угодно?

— Пока — ничего, — помедлив, произнес он. — Но, возможно, в будущем я обращусь к тебе с просьбой. Обещай, что выполнишь ее.

— Я постараюсь сделать все, что будет в моих силах, господин Ирранкэ, — осторожно ответила я. — Но не стану ничего обещать вам заранее.

Да уж, так вот наобещаешь...

Бабушка не была любительницей сказок, да и некогда ей было мне их рассказывать, однако иногда она выкраивала минутку для какой-нибудь волшебной истории. Я уже плохо помнила, о чем в них говорилось: наверно, о прекрасных принцессах и отважных рыцарях, огнедышащих драконах и прочих дивных существах... Вот об этих дивных существах я и подумала: бабушка всегда особенно упирала на то, как глупо поступает человек, безоглядно доверяя какому-нибудь волшебному созданию, явившемуся из ниоткуда и предложившему помощь почти что даром. Подумаешь, какое-то обещание, которое, может, и вовсе не придется выполнять! А помощь — вот она, бери да пользуйся! Только ничем хорошим эти сделки не заканчивались: даже если история заканчивалась, как ей и полагается, свадьбой и пиром на весь мир, никак не получалось забыть, что волшебный помощник все еще где-то рядом... И уж он-то никогда не забудет уговора, хоть сто лет прождет, а получит то, что так беспечно пообещал ему герой!

— О чем ты задумалась? — спросил алий, пристально взглянув на меня.

— Об опасности, — ответила я. — Простите, господин, но я повторю: я ничего не стану вам обещать. В конце концов, может выйти так, что, вернувшись сюда, вы уже не застанете меня в живых, как это вышло с бабушкой, и какой тогда будет прок от обещанного? Ну а в ином случае, как я уже сказала, я постараюсь сделать, что сумею.

— Понимаю, — произнес он после паузы. — Вижу, ты и впрямь удалась в Берту, и это хорошо. Ну что ж... В таком случае — до встречи.

— Доброй ночи, господин Ирранкэ, — сказала я и направилась было к лестнице, осторожно придерживаясь рукой за стену, но алий остановил:

— Не торопись.

«Да что тебе еще от меня нужно?» — мысленно вскричала я и вздрогнула, когда он крепко взял меня за локоть и сказал негромко:

— Упадешь, чего доброго. Я забыл, что вы не видите в темноте, а лестница и впрямь, того и гляди, рухнет.

— Не стоит беспокойства, господин, — выговорила я, но он, конечно, слушать меня не стал, и как я оказалась внизу, и по сию пору не могу вспомнить.

— А теперь... — он повернулся ко мне, — закрой глаза.

— Что...

— Закрой.

Я повиновалась и почувствовала невесомое прикосновение — это алий провел кончиками пальцев по моему лбу, векам, едва заметно притронулся к губам.

— Вот теперь можешь идти, — кивнул он, неожиданно теряя ко мне всякий интерес.

Я повиновалась и признаюсь, еле добралась до своей комнаты, так меня клонило в сон! Не проспать бы...

Утром, однако, я встала раньше обычного с таким чувством, будто проспала от заката до восхода, а не бродила полночи невесть где... Неужто алий что-то начаровал? Поговаривали, они это умеют...

Как бы там ни было, больше господин Ирранкэ ко мне не обращался, и я была этому очень рада. Ходили слухи, будто он все-таки утешил баронессу Илену — она достаточно быстро оправилась от недомогания, узнав, что алии задерживаются в наших краях. Впрочем, все ее истории следовало делить на дюжину, по меньшей мере, да и Трикки уверяла, что Ирранкэ красавицу и на порог не пустил. Вернее даже, не он сам, а тот его слуга, который вроде бы с интересом поглядывал на саму Трикки. Ну да она тоже совет — недорого возьмет!

На наше счастье, их великолепия вскоре распрощались с герцогом и отбыли восвояси. «Скатертью дорога», — подумала я и принялась за обычные свои дела, но сама нет-нет да и вспоминала необыкновенные глаза его великолепия, господина Ирранкэ. Да не я одна, надо думать, а и все придворные дамы...

Полгода прошло с тех пор, и постигла нас тяжелая утрата — скоропостижно скончался старый герцог. Был он не так уж стар и еще ох как боек, а что до свойственных возрасту болезней, так многие и с худшими хворями живут, и подолгу. Да и то: незадолго до смерти его светлость целыми ночами куролесил с новой своей фавориткой, избранной взамен отданной замуж баронессы Илены. Возможно, сказали доктора, это и стало причиной удара: все-таки возраст есть возраст, излишества дали о себе знать...

Наследник не слишком-то расстроился, узнав о смерти отца, а потому злые языки тут же распустили слух, что он сам батюшку и уморил, устав дожидаться, пока тот отбудет в мир иной. Я была уверена, что все это — чистой воды выдумки: каким бы ни был молодой герцог, отца он любил и уж на убийство бы точно не пошел.

Так или иначе, но замок погрузился в траур, а вдовая герцогиня удалилась в свое поместье, захватив с собой Трикки и избранных дам, и вернулась лишь через месяц, на торжества в честь сына.

Алийский князь, разумеется, не соизволил пожаловать лично ни на похороны, ни на празднество, но посол со свитой все же прибыл почтить память усопшего и поздравить нового правителя.

И опять наши дамы принялись изо всех сил утягивать талии, чтобы казаться такими же тонкими и воздушными, как алийки, сильно пудриться и белиться, чтобы обрести интересную бледность, и оголять плечи и грудь сверх всякой меры. Правда, на их великолепий эти уловки вовсе не действовали, и хотя многие дамы по-прежнему, закатывая глаза, шепотом рассказывали друг другу, каковы алии в альковных делах, было это обыкновенным враньем.

Челядь, что прибирается в комнатах и меняет простыни, частенько не замечают, будто мебель, вот только господу забывают, что у слуг есть глаза и уши, да и соображают они очень даже недурно. Ну а мне, повторяю, по должности положено быть в курсе всяческих слухов и сплетен, что витают в замке, так что и я знала — о любовных приключениях с алиями дамы разве что мечтали. И примером тому баронесса Илена, о которой рассказывала мне Трикки.

Его великолепие господина Ирранкэ я повстречала совершенно случайно. Вернее, не я его повстречала, а он меня разыскал. И не просто разыскал, а... Словом, вернувшись поздно вечером к себе, я застала сиятельного гостя сидящим в моем любимом кресле.

Честно признаться, я его не сразу и признала, ибо выглядел его великолепие далеко не так дивно, как при прошлой нашей встрече. И без того худощавый, алий исхудал еще больше, а от интересной бледности и следа не осталось — ее сменил самый что ни на есть простецкий загар. Видно было, что его великолепие пришлось изрядно попутешествовать, да не в карете, а верхом, если не вовсе на своих двоих.

— Добрый вечер, господин Ирранкэ, — сказала я, постаравшись ничем не выдать удивления. — Что вам угодно?

— Помнишь, что ты мне пообещала? — спросил алий, и не подумав ответить на приветствие.

— Я ничего вам не обещала, господин, — напомнила я, — а лишь сказала, что постараюсь выполнить одну вашу просьбу, если это окажется в моих силах, — ответила я, постаравшись подчеркнуть голосом слово «одну».

— Верно. — Его величие поднялся с кресла и отошел к окну. — Но прежде чем я озвучу эту просьбу, я хочу кое-что рассказать тебе. Вот об этом...

Он вытянул из-за ворота серебряную цепочку, на которой висела, конечно же, та самая замысловатая вещичка.

— Об этом? — удивилась я. — Но что же это все-таки такое?

— Я и сам не знаю, — неожиданно усмехнулся алий. — И никто из ныне живущих не знает. Нам известно лишь о малой толике тех свойств, которыми эта вещица обладает. Но и этого более чем достаточно, чтобы...

Он замолчал, но я и без того прекрасно поняла его мысль: очень многие, похоже, хотят заполучить эту штучку.

— Ты, конечно, спросишь, почему я намерен говорить об этом именно с тобой, — сказал он, опередив меня буквально на секунду: я и впрямь собиралась задать этот вопрос. — Дело в том... Нет, не так!

Алий помолчал немного, потом произнес:

— Помнишь, о чем я расспрашивал тебя на той галерее?

Я кивнула.

— А помнишь, насколько твоей матери было трудно расстаться с этой вещью?

— Конечно, помню, — ответила я, и только потом до меня дошел смысл сказанного. Наверно, я сильно покраснела...

— Не удивляйся, — сказал господин Ирранкэ. — Мой слуга проследил за «одним человеком», который принес тебе это, а потом выяснил, кто такая эта женщина. Равно как и сообщил, что никаких богатств неведомо откуда на эту достойную женщину не свалилось.

— Я не стала отдавать ей всю награду, она таких денег и не видела никогда, где же ей с ними управиться? Ее и ребенок обманет! Да и отчим... — начала я оправдываться, но алий повелительно поднял руку, приказывая умолкнуть.

— Меня совершенно не интересует, как именно и о чем ты договаривалась со своей матерью, — сказал он. — Я хочу услышать ответ на свой вопрос: ты заметила, насколько тяжело ей было отдать тебе какую-то безделушку, вовсе никчемную для простой крестьянки? Даже за большие по ее меркам деньги? Ты ведь что-то ей все-таки отдала, полагаю, иначе откуда в ее хозяйстве взялась вторая лошадь, корова и земельный надел?

— Отдала, конечно, — сказала я. — И да, я видела, как ей не хочется расставаться с этой вещью.

Это и впрямь было заметно: мне даже показалось, что вот сейчас матушка откажется от денег и унесет вещицу с собой. Не силой же отнимать! Хотя я и могла бы так поступить, я намного сильнее, но выкручивать руки родной матери... это уж слишком.

— Она действует так почти на всех, — сказал алий, помолчав. — На кого-то сильнее, на кого-то меньше, но — почти на всех. Чем дольше держишь ее при себе, тем тяжелее потом расставаться с нею. Но есть и те, кто не ощущает чар этой вещицы. И доверить ее на хранение можно только им, иначе...

Я снова закончила мысленно: «иначе кто поручится, что, когда эта вещь понадобится законному владельцу — уж не знаю, кто он! — тот, у кого хранится эта вещь, сможет добровольно с ней расстаться?»

— Я вижу, ты понимаешь, — произнес он, пристально глядя на меня. — Понятное дело, не каждый из тех, кто не подвержен этому воздействию, годится на роль хранителя. Таким образом, выбор у нас невелик.

— Но при чем же тут я? — не выдержала я, хотя уже начала догадываться.

— Я — один из немногих, над кем чары этой вещи не властны, — сказал алий, не обратив внимания на мой вопрос. — Увы, в хранители я не гожусь. На моем пути попадается слишком много... случайностей сомнительного толка.

Я и раньше подозревала, что его великолепие вовсе не праздный придворный, а разведчик или кто-то навроде этого. Алии, даже знатные, подобного не чураются и считают такой род занятий весьма почетным.

— Раньше эту вещь хранила твоя бабушка, — произнес он. — Не стану рассказывать, почему мы остановили свой выбор именно на ней, скажу лишь, что мы не разочаровались. У вас, людей, это свойство — не поддаваться чарам — может передаваться по наследству. Правда, лишь по женской линии. У нас, — алий невесело усмехнулся, — не передается вообще.

— Так вы хотите, чтобы теперь я... — Я не закончила фразу, он и так меня прекрасно понял.

— Да, — ответил он. — Это и есть моя просьба, и не думаю, чтобы тебя сильно стеснило это обещание. Берта хранила это не меньше полувека, если мне не изменяет память, с тех самых пор, как ее нашел мой наставник.

— Но если эта вещь так ценна... неужто вы не боитесь доверять ее какой-то служанке, да еще всего лишь человеку? — спросила я, прекрасно понимая, что отказаться от этой сомнительной чести мне все равно не удастся.

— У нас нет другого выхода, — ответил он, снимая с шеи цепочку. — Просто спрячь ее как следует и забудь... до тех пор, пока за ней не приду я или кто-то по моему поручению.

Я взглянула на замысловатую безделушку, оказавшуюся вовсе не безделушкой, а чем-то очень важным и очень странным... И куда прикажете ее спрятать?

Наверно, последний вопрос я задала вслух, потому что алий искоса взглянул на меня и произнес:

— Берта держала ее в тайнике под подоконником.

— В первый раз о нем слышу, — призналась я.

Он в два шага оказался возле узкого высокого окна, провел рукой под самой рамой, куда-то нажал... Что-то тихонько щелкнуло, и один из камней на подоконнике повернулся, открывая небольшую нишу. Бабушка никогда не показывала мне этот тайник!

— Итак, — негромко произнес его великолепие, — ты согласна?

— А у меня есть выбор? — усмехнулась я, и он убрал вещицу в нишу. — Согласна. Только... если, как вы говорите, за этой вещью придет кто-то по вашему поручению, как я узнаю, что посланник — именно от вас? Вы же с меня шкуру живьем сдерете, если вдруг что окажется не так!

— Вот это кольцо. — Алий вытянул левую руку, чтобы я могла полюбоваться перстнем в виде замысловато переплетенных ветвей и лесных цветов. Работа тончайшая, но до той вещицы ей было далеко. — Узнаешь его?

— Да, господин Ирранкэ, — ответила я. И впрямь, как не узнать, вещь очень приметная! — Только кто сказал, что кольцо нельзя снять с убитого? И вы, часом, не забыли, что вас здесь отравить пытались?

Я сообразила, что говорю с его величием в совершенно недопустимом тоне, и осеклась. Однако алий, казалось, и не заметил дерзости.

— Ты права, — сказал он, несколько помрачнев. — Кольцо не подойдет. Вот что...

расскажи мне что-нибудь, о чем, кроме тебя, не знает никто. И не будет знать — кроме меня и того, кого я пошлю к тебе. Тоже не лучший вариант, любой пароль можно узнать под пыткой... но для этого надо знать, что он есть, этот пароль.

— Никто не знает, кроме меня... — Я огляделась, пытаюсь вспомнить что-нибудь подходящее. — Господин Ирранкэ, я вам уже как-то рассказывала вот про это зеркало. Подойдет? Откуда оно, знала только моя бабушка, ну и та, что подарила ей зеркало. Только та дама давно уж уехала в дальние края и, говорят, совсем выжила из ума...

— За неимением лучшего, — вздохнул он, — и это подойдет. И вот еще что... Ты вправе требовать награды за свою услугу.

— Хотелось бы знать, — сказала я, поразмыслив, — кто в нашем замке может догадываться о существовании этой вещи? Ведь кто-то же пытался вас убить! Из-за нее или нет — как знать?

— Мне бы тоже хотелось знать, кто это был. — Алий растянул губы в холодной усмешке. — Но не думаю, что кто-то из местных. Подозреваю, за мной следили от самого нашего княжества... и на обратном пути. Кто бы это ни оказался, он уверен, что эта вещь все еще у меня. Это не значит, что ты можешь быть беспечной, но и бояться каждой тени не стоит.

— И на том спасибо, — вздохнула я и, спохватившись, добавила: — Господин Ирранкэ...

— Я рассчитываю на твою честность, — сказал он, открывая дверь.

— Доброй ночи, — произнесла я ему в спину. А что еще я могла сказать?

И опять я не спала ночью... Теперь мне не давало покоя вот что: если бабушка хранила эту вещь в тайнике, о котором не знала даже я, то как она оказалась на подзеркальнике? Почему она лежала совершенно открыто, так что моя мать смогла ее увидеть и взять в руки? Может, к бабушке явился кто-то из законных владельцев? Осмотрел эту вещицу, а потом бабушка просто не успела ее спрятать, и... Но я точно помнила: никакие алии в те дни в замке не появлялись. Правда, посланцем мог быть и человек, хотя это маловероятно!

И почему бабушка вдруг умерла? Она ведь была еще вовсе не старой, а выглядела намного моложе своих лет, да и здоровьем обладала завидным, у иных женщин вдвое моложе ее такого не сыщешь! Правда, припомнила я, в последние дни она как-то погрустнела и осунулась, а на мои вопросы не отвечала, говорила лишь, что все с ней в полном порядке... Может быть, существовала какая-то связь между ее смертью и доверенной ей на хранение вещью? Как теперь узнаешь? И алия не спросишь, так он и расскажет, жди... Да он и сам, поди, не знает!

«Ох и в темную же историю ты утодила, Марион Трай!» — сказала я себе перед тем, как ненадолго забыться сном.

* * *

На следующий день навалились обычные заботы, так что я и думать позабыла о таинственной вещице, спрятанной в моей комнате. Не вспоминала я о ней до самого вечера, когда меня неожиданно потребовал к себе герцог.

— Добрый вечер, ваша светлость, — поприветствовала я нашего нового правителя.

— И ты здравствуй, — кивнул мне герцог. — Проходи, проходи, разговор у нас с тобой

будет долгий...

Я изобразила на лице вежливый интерес, готовясь отвечать, куда уходят деньги, отпускаемые на хозяйство, да еще в таких количествах, однако герцог меня ошарашил.

— Что у тебя за шашни с алиями? — спросил он в лоб. — Что это за ночные визиты?

Я лишилась дара речи и, вместо того чтобы придумать складный ответ, принялась соображать, кто же мог видеть господина Ирранкэ, когда он выходил из моей комнаты... Да кто угодно! Скорее всего, соглядатай, приставленный к алию: эти умеют оставаться незаметными, а спрятанных за портьерами да фальшивыми панелями ниш и потайных ходов в замке хоть отбавляй! Даже алий не заметит...

Герцог истолковал мое молчание по-своему, и, надо сказать, меня это очень выручило, иначе я непременно ляпнула бы какую-нибудь глупость.

— Что краснеешь? — спросил он с понимающей ухмылкой. — Дело-то молодое... Вот только хотел бы я знать, что его треклятое великолепие в тебе нашел! Хотя... — Герцог пристально оглядел меня с головы до ног. — Хотя... Не будь я уже женат и не будь ты простолюдинкой, лучшей герцогини я и искать бы не стал.

Я опять не нашлась что ответить, а герцог махнул рукой:

— Иди уж. Всем ты хороша, упрекнуть тебя не в чем... Только впредь по сторонам оглядывайся, когда водишь к себе кого-нибудь. Тут не то что у стен, у каждой занавески глаза есть и уши. И язык болтливый... Поди прочь!

Я и ушла, продолжая дивиться неистощимой людской фантазии. Это ж надо такое придумать: я и его великолепие!.. Хотя... что еще мог подумать тот, кто увидел алия возле моей двери, а то и выходящим от меня? Если поразмыслить, может, оно и к лучшему, так хоть не станут допытываться, что на самом деле понадобилось господину Ирранкэ в моей комнате!

Допытываться и в самом деле не допытывались. Служанки только шушукались и смотрели мне вслед с завистью и жгучим любопытством, но расспросить меня не решались. Была бы здесь Трикки, она бы не постеснялась, но вдовствующая герцогиня вновь уехала в свое поместье и забрала ее с собой. (Трикки говорила, там очень симпатичный старший конюх, не женатый, так чего ж еще надо?) Признаюсь, порой я скучала по ее веселой болтовне: хоть я сама молчалива, иногда хочется поговорить хоть с кем-нибудь. С зеркалом не станешь разводить душевные беседы, с матушкой тем более, при ней и упоминать о подобном не стоит... Бабушка поняла бы, но ее больше не было со мной.

Знатным дамам очень хотелось со мной побеседовать, но они считали ниже своего достоинства заводить душевные разговоры с прислугой. Так и мучились, бедные, пытаюсь понять, что же такого нашел во мне его великолепие, чего нет в них... Это и смешило, и раздражало, но я старалась не подавать виду, будто сплетни хоть как-то меня задевают.

Ясное дело, мужской интерес ко мне тоже заметно возрос. Я часто ловила на себе заинтересованные взгляды: дескать, чего же мы не разглядели в ней? Может, стоит приглядеться поближе?

Многие, правда, сходились на мысли о том, что его великолепие просто наскучили утонченные соплеменницы, потому он и остановил свой выбор на «деревенской кобылке». Всякое болтали, одним словом. Некоторые, правда, болтовней не ограничивались, кое-кто норовил и юбку задрать, ну да с этими разговор был короткий — рука у меня тяжелая, и не посмотрю я, слуга это или благородный господин! А если такой вот вздумает герцогу пожаловаться на то, что его ключница оплеухой наградила, тот первый же его и высмеет...

Кое-кто даже пытался ко мне присвататься, да не совсем из простых. Тут я ненадолго призадумалась, но все же отказала, потому что понимала: замуж меня зовут не по любви и даже не ради денег... Самое большее через полгода муженек сообразит, что ничегошеньки особенного во мне нет, тут и начнет попрекать и скромным приданым, и скверным нравом, и сомнительным моим происхождением. Дед мой хоть и был герцогским бастардом, да не признанным, так что я никто и звать меня никак! Словом, отказала я одному, отказала другому, а там и женихи кончились. Я же решила, что лучше уж останусь сама себе хозяйкой, как бабушка моя. Если мне суждено одной век вековать, то так тому и быть, не пропаду и без мужа!

Постепенно жизнь в замке вошла в привычную колею, сплетни обо мне утратили свежесть и новизну: все принялись обсуждать одну даму, родившую двойню от егеря мужа, причем сам муж так ни о чем и не догадался, хотя весь замок чесал языками об этом происшествии. Потом приехала труппа бродячих артистов, за ними явился знаменитый певец с учениками, и обо мне вовсе позабыли...

Ну а через несколько месяцев к нам в гости снова пожаловали алии. Визит был обставлен с немислимой пышностью, а все почему? Да потому, что на сей раз они привезли с собою ее великолепие госпожу Меланноэ.

Алийка была диво как хороша! Не знаю уж, откуда пошел слух, что их женщины все как одна тоненькие, хрупкие, — дунь и переломится... Ее великолепие, конечно, была изящна и стройна, а также обладала пресловутой изысканной бледностью, вот только бледность эта происходила не от болезненности и не от слоя белил и пудры, просто у алийки кожа была такой от природы, на диво и зависть простым смертным. А что до хрупкости... Видела я, как госпожа Меланноэ управляется со здоровенным жеребцом, — любой мужчина бы позавидовал!

Разумеется, господа наши так и увивались вокруг ее великолепия, она же никого не дарила особым вниманием, однако и резкого отпора не давала. Придворные дамы от злости изломали не один десяток вееров и перебили уйму фарфоровых безделушек, однако с госпожой Меланноэ им было не тягаться: иссиня-черные кудри и медовые глаза прекрасной алийки свели с ума всех, от подростков до глубоких старцев. Что уж говорить о его светлости, унаследовавшем от отца неутолимую тягу к красивым женщинам!

Меня, понятно, прелести ее великолепия нисколько не занимали, вот разве что любопытно было, зачем вообще она приехала в наши края? Уж не за тем ведь, чтобы головы кружить кому попало! На посла она никак не походила, не звалась супругой кого-то из прочих алиев... Неужели просто любопытство одолело, решила взглянуть, как люди живут? Почему бы и нет: по алиям невозможно угадать, сколько им лет, так что госпоже Меланноэ могло быть и двадцать, и двести двадцать!

Впрочем, скоро все стало на свои места: когда в свите ослепительной алийки я разглядела знакомое лицо господина Ирранкэ, то пришла к выводу, что красавица приехала исключительно ради того, чтобы отвлекать на себя внимание, и справилась с этим просто замечательно. Готова поклясться, никто и не заметил, как господин Ирранкэ улизнул из-за праздничного стола!

— Добрый вечер, — сказала я, когда он без стука вошел в мою комнату.

— Не вижу в нем ничего доброго, — ответил алий, плотно прикрывая за собой дверь. — Все в порядке?

— Да. Никто не интересовался этой вещью, никто вообще ни о чем не спрашивал. Разве что...

— Разве — что? — так и подобрался алий.

— Вы знаете, какие слухи ходят о вас и обо мне? — спросила я.

Нет, он не знал, по лицу видно было, но понял сразу же и — вот удивительно! — не рассердился, а развеселился.

— Что же, — сказал он. — Лучшего прикрытия и не сыскать!

— Вы приехали забрать ее? — спросила я, чтобы замять некоторую неловкость.

— Разумеется, иначе зачем бы мне являться сюда? Уж не затем же, чтобы напиваться в компании с вашими вельможами!

— Берите, — вздохнула я, кивая на подоконник, вернее, на укрытый в нем тайник. — Господин Ирранкэ...

— Что?

— Позвольте задать один вопрос, — сказала я, тоже подходя к окну. — Раз уж я вынуждена хранить эту вещь... могу я хотя бы знать, для чего она нужна? То есть...

— То есть ты хочешь знать, не используем ли мы ее во вред людям? — прищурился алий.

Я кивнула.

— Можешь быть спокойна, — усмехнулся он. — Силам, которые подвластны этой крохотной игрушке, безразлична ваша мышинная возня.

На его великолепие сегодня напала совершенно не свойственная ему говорливость. Не буду врать, будто я поняла все, о чем он поведал, но...

Главным, что я уяснила, было вот что: никто не знал, кто, когда и зачем создал эту вещицу. Никто не знал и всех ее возможностей, тайных ли, явных... Но алии — не все, а лишь немногие, кто обладал даром предвидения, как сам Ирранкэ, — могли уловить, что, оказавшись в нужное время в нужном месте, эта вещь может хоть немного, но изменить ход грядущих событий.

Как именно это происходит, они не понимали, но пользоваться этим все же научились. Человек скажет: ну какая разница, начнется сезон дождей в дальней провинции неделей позже или раньше? Но алии — не люди, особенно провидцы: они умеют заглядывать далеко вперед, им по силам понять, во что может вылиться даже самый безобидный на первый взгляд поступок. Не всегда это срабатывает, а если срабатывает — не обязательно так, как хотелось бы, но они стараются не упускать ни единого шанса...

— Другое дело, что такие перемены далеко не всем по нраву, — сказал алий под конец. Я не поняла его слов, но предпочла не переспрашивать. — Далеко не всем.

Он помолчал немного, потом добавил:

— Возвращать эту вещь тебе будет кто-то другой. Не я.

— Почему?

— Это путешествие станет для меня последним, — спокойно ответил Ирранкэ. — Ну что ты так смотришь? Мы это чувствуем. Знаем. А я уж тем более уверен — вернуться из этого похода мне не суждено. Что ж... я прожил жизнь так, что мне не в чем себя упрекнуть. Это уже немало...

Я хотела что-нибудь сказать, но промолчала: на ум ничего не пришло, а в таких случаях лучше промолчать, авось за умную сойдешь, как говаривала бабушка Берта.

— Жасмином пахнет, — сказал вдруг алий. — Откуда бы?

Я смутилась: сегодня я в подражание придворным дамам украсила волосы цветущей веточкой жасмина. Понятно, цветы в прическах дам были сплошь из золота и драгоценных камней, но жасмин смотрелся не хуже, а уж аромат — куда там лучшим духам!

И только тут я заметила, что стою совсем близко к алию, так близко, что наши руки едва не соприкасаются, и надо бы отойти, но... Я не пошевелилась. То ли ночь была виновата, то ли аромат жасмина, то ли полная луна, а пуще того я сама...

А он... Ему, должно быть, все же страшно было умирать, а кому не страшно? Жизнь прожил достойно... а что проку в том, если знаешь, что жизни этой осталось всего ничего? И хочется в эти последние дни взять от жизни все, даже то, на что в обычное время и не взглянул бы!

Кровать у меня узкая, такая узкая, что вдвоем на ней можно лежать, только тесно прижавшись друг к другу. Вот как мы...

Тонкая цепочка на шее Ирранкэ съехала на сторону, так что замысловатая вещица оказалась у него чуть ли не плече, как раз у меня перед глазами. Подумать только, из-за этой крохотной безделушки происходит столько всего... странного.

— Ты так не похожа на наших женщин, — сказал Ирранкэ. Это были первые его слова за все время. То есть он и раньше говорил, но только по-своему, не по-людски, а я по-алийски знаю всего несколько слов, да и те — «подай, принеси, поди прочь». — Вы, люди, совсем другие... Ваши женщины бывают красивы — и осознают это. Но красота эта так преходяща, так недолговечна и мимолетна... и это они осознают тоже. И так торопятся жить... Наверно, это в вас и привлекает.

— А вы такие прекрасные и безразличные, такие недостижимые, — произнесла я тихо, бездумно водя ладонью по его плечу: на нем едва виднелась сложная вязь из сплетенных трав и цветов, она сбегала по руке почти до запястья и, мне казалось, едва заметно мерцала в полумраке. Никогда не видела татуировок настолько изящных! Казалось, это не творение чьих-то рук, Ирранкэ будто родился с этим рисунком... — Вечно молодые и при этом мудрые... Наверно, это в вас и привлекает.

— Шутишь? — едва заметно улыбнулся он. Я почувствовала эту улыбку щекой и невольно прижалась крепче. — Ничуть мы не лучше вас... Живем дольше, стареем медленнее, потому и опыта успеваем накопить побольше. Но настоящую мудрость обретают единицы, а будто у людей не так? Да что тут скажешь!

— Ничего не говори, — шепнула я. — До утра еще далеко...

«Утром ты уйдешь, — подумала я, нащупав подвеску на его груди и до боли сжав в ладони. — Навсегда, как сам сказал. А если и вернешься когда-нибудь, я к тому времени сделаюсь сморщенной старухой и ты меня не узнаешь, потому что даже не заметишь, как пролетело время. Принял же ты меня за бабушку Берту... Но даже если и так, пускай. Я тебя никогда не забуду...»

— А плакать не надо, — шепотом произнес Ирранкэ, коснувшись губами моей щеки. — Или я обидел тебя чем-то?

Я покачала головой. Он подумал, наверно, что я, как те придворные дамы, мечтала узнать, каковы алии... Но разве им он рассказал бы то, что доверил мне? Разве только какая-нибудь оказалась бы возможной хранительницей загадочной вещи!

А на меня-то что нашло? Всю жизнь держала себя в строгости, как бабушка Берта завещала, и вдруг... Лунный свет и запах жасмина виноваты, что ли? Как же, ничего умнее придумать не могла! Глаза его меня заморозили, изменчивые, как невиданное море, как небо и ветер в нем — подхватило порывом и унесло в чужедальные края...

Спроси — я ведь не сумею рассказать, каков Ирранкэ собой, красив или нет, но глаза его не забуду до скончания дней моих, и голос его буду помнить всегда.

— Я слышала, каждое алийское имя что-то означает, — сказала я, чтобы не молчать. — А твое?

— «Ири» по-нашему — радость или счастье, — помолчав, ответил он. — А «ран» — печаль.

— И что же выходит?

— Радость сквозь слезы, — был ответ. — Моя мать умерла, когда я родился.

— Неужели такое случается даже с алиями? — шепотом спросила я, потому что слыхала не об одной женщине, умершей родами.

— Редко, — сказал он. — Но это было не то, о чем ты подумала.

— Откуда тебе знать, о чем я думаю? — не выдержала я. — Ты в самом деле читаешь мысли?

— Нет. Угадываю, — улыбнулся он. — Люди в большинстве своем очень предсказуемо мыслят. А если видишь лицо, то понять, о чем думает человек, и вовсе легче легкого.

— Темно ведь... ах да, вы же видите в темноте!

— Для меня сейчас светло, как днем, — серьезно сказал алий. — Цвета не такие яркие, будто смотришь сквозь закопченное стекло, но все прекрасно различимо. Конечно, в крошечной тьме, в каком-нибудь каменном мешке и я мало что разгляжу, но если на небе звезды и луна, фонарь мне ни к чему. Даже и пасмурной ночью полной темноты не бывает.

— Вот оно как... — Мне показалось, будто Ирранкэ заговорил об этом, чтобы не вспоминать о матери, но он, видно, снова прочел мои мысли, потому что произнес негромко:

— Мне выпало родиться в страшный год. Вряд ли в ваших летописях найдется хоть что-нибудь о тех временах... Шла война, и все уже забыли, что послужило ее началом. Мать моя сопровождала отца: наши женщины сражаются не хуже мужчин, а бывает, и лучше, вот только...

Он помолчал.

— Отец не мог отослать ее домой, дороги были перекрыты. Ей было безопаснее оставаться рядом с ним, чем отправляться в далекий путь, в котором на каждом шагу поджидает опасность. И сопровождать ее было некому: ведь каждый воин на счету! Так и вышло, что родился я в крестьянской лачуге, в человеческой деревне из тех, чьи жители укрывали алиев, потому что никогда не видели от нас зла и помнили об этом. Приняла меня тамошняя знахарка, и все обошлось бы, если бы кто-то не выдал противнику наше убежище. — Ирранкэ перевел дыхание. — Наши бойцы держались до последнего, но все-таки не выстояли. Деревню сожгли, людей — кого убили, кого угнали в рабство, а моя мать...

Я невольно сжалась, а он закончил:

— Она была еще слишком слаба и не могла бежать. Может быть, еще несколько часов — и она осталась бы в живых, но... она предпочла умереть, но не достаться людям. Они не пощадили бы и роженицу. Любая алийка выбрала бы смерть, а не плен и рабский ошейник... в лучшем случае. Всегда есть надежда вырваться из плена, но когда привязывают вратяжку меж четырех кольев и весь отряд...

Он умолк.

— Но как же ты... — Я осеклась.

— Я родился в страшный день, но под счастливой звездой, — помолчав, сказал Ирранкэ. — Старуха знахарка завернула меня в свое тряпье, укрывшись в погребу и сидела там, пока не остыло пепелище, а люди не убрались прочь. На наше счастье, я уродился не крикливым и нас не обнаружили. А уже на мое особенное счастье — в погребе у нее имелись кое-какие припасы, и она давала мне сосать тряпицу, намоченную козьим молоком. На третий день пришли алии, среди которых был мой дед, отец моей матери. Он и дал мне это имя.

— А знахарка?

— Она еще долго прожила при нашем дворе. Успела даже выучить меня разбираться в травах по-человечески, у нас-то их используют совсем иначе, — Ирранкэ улыбнулся. — Многие говорили, что не место человеку в наших краях, но дед готов был золотом осыпать ту, что спасла сына его любимой дочери.

— А я никогда не видела отца, — зачем-то сказала я. — Не знаю даже, каким он был,

бабушка не желала рассказывать о нем. Говорила только, в родителя удался, такой же беспутный, только герцогского отпрыска хотя бы воспитание и долг его вельможный сдерживали, а этого шалопая ничем не остановишь...

— Герцогского? — нахмурился Ирранкэ.

— Ну да. Мой дед — бастард, хоть и не признанный. Но, конечно, на бабушке Берте он жениться не собирався, мало ли таких служанок! А куда он потом пропал, никто не знает. И отец так же — исчез однажды, и с концами.

— Надо же... — протянул алий. — А я все думал, на кого же ты так похожа! Вроде бы и на Берту, но есть еще что-то. Теперь вижу: вы же с герцогом словно брат с сестрой! Но не скажи ты, я и не догадался бы.

— Да и не нужно. Кто знает, тот помалкивает, а кто не знает, тому и не следует, — серьезно ответила я. — Я просто ключница.

— Откровенность за откровенность, — улыбнулся Ирранкэ и коснулся губами моего виска. — Иногда нужно, чтобы тебя слышали.

— Не умирай, — беззвучно попросила я, но Ирранкэ все равно разобрал, а может, прочитал по губам, и ответил негромко:

— Это не мой выбор. Я хотел бы остаться. Не с тобой — этого я сделать не могу, — но хотя бы в твоей памяти. Не так страшно уходить, когда знаешь — о тебе помнят...

— Даже если той памяти, как и жизни человеческой, — словно у бабочки-однодневки, по вашему-то счету?

— Да, — серьезно сказал он. — Знаешь, почему мы так редко сходимся с людьми?

— Теперь, наверно, знаю, — ответила я. От него пахло почему-то свежим снегом. — Вы же не каменные и не ледяные, хотя притворяетесь лучше некуда.

— Вот именно. — Ирранкэ обнял меня крепче. — Я ведь помню, как повстречал Берту. Она была совсем юной, не старше тебя. Времени прошло всего ничего, а ее уже не стало... А я всего лишь был знаком с нею, не более того, и то мне стало не по себе. Когда же узнаешь кого-то лучше, а вскоре потеряешь...

— Больно? — зачем-то спросила я.

— Да. — Он помолчал и добавил: — Существует множество легенд о людях и алиях. И ни одна не заканчивается счастливо. А наша завершится, даже не начавшись. И тоже печально.

— Почему?

— Потому, что я уйду и никогда не вернусь. Потому, что я тебя опозорил, так у вас говорят, я не путаю? А что ты могла принести в приданое мужу, кроме девичьей чести и той горстки золотых?

— С такой «горсткой» и горбатую вдову с пятью детьми умчат с присвистом... — пробормотала я. Мне почему-то сделалось смешно: много эти алии понимают в наших обычаях! — А я и отбиться бы сумела, если б не захотела... Ты что, смеешься?

— Конечно. — Ирранкэ провел ладонью по моим волосам. — Вот и ты улыбнулась.

— Не вздумай сказать, что я еще встречу своего человека и буду счастлива, — удачно припомнила я фразу из какого-то романа: дамы читали их друг другу за рукоделием, волей-неволей что-то да услышишь. — И довольно об этом! Может, я завтра с лестницы упаду и шею сверну, так что ты меня переживешь...

— А ты не шути такими вещами, — серьезно сказал он. — Мало ли, кто может слышать!

— Кто? Создатель, что ли?

— Может, и он. Говорят, он до сих пор бродит между мирами, — без тени иронии ответил Ирранкэ. — Вдруг заглянет и сюда, кто знает, какие дороги он выбирает? И возвращается ли туда, где уже побывал однажды? Мы ведь не отсюда родом.

— Как так? — не поняла я.

— Родина алиев не здесь, — произнес он. — Это легенда, но... Говорят, однажды Создатель вышел зимой в сад и поразился: до того хороши были заснеженные деревья! А потом обернулся и огорчился: на снегу остались его следы, а ветки, которые он задел, были черными и голыми. Тогда он решил создать существо, которое сумело бы пройти по первому снегу, не потревожив его, так же легко, как свет проникает сквозь ветви деревьев. Так и появился первый алий — из лунного луча и снега...

— Вот почему ты им пахнешь, — невольно улыбнулась я.

— В самом деле? — улыбнулся Ирранкэ. — Не замечал... Однако мы и правда почти не оставляем следов даже на рыхлом снегу, а по лесу можем пройти, не потревожив листвы. Хотя для этого нужны годы тренировок. Но даже если это и легенда, то красивая, не правда ли?

— Очень. А другие алии откуда взялись?

— Тому, первому, было одиноко, и он слепил девушку из снега, — совершенно серьезно ответил Ирранкэ, — говорил с ней и печалился, потому что близилась весна и она должна была вскоре растаять на жарком солнце. Создатель увидел это, понял, как горька будет разлука, и оживил снежную красавицу. От этих двоих и пошел наш народ.

— Ты сказал, вы не отсюда, — вспомнила я, — но как это может быть?

— Создатель, говорят, был рассеян и частенько забывал закрыть за собой двери, через которые странствовал между мирами, — сказал он. — И однажды, когда в нашем родном мире алиям не осталось места, мои предки ушли прочь через одну из таких незапертых дверей. Рассказывают, им помогли крылатые — они тоже покинули свою прародину, потому что тамошние люди истребили волшебство, а без него какая жизнь?

— Крылатые? Драконы? — удивилась я. — Но их же не существует, это сказки!

— Вовсе нет, — улыбнулся Ирранкэ. — Другое дело, что именно здесь их может не быть. Мы ведь рассеялись по многим мирам в поисках самого лучшего, так что где-то нет алиев, где-то крылатых, а где-то — людей. Мне выпало жить именно здесь, и я этому рад. Может быть, есть места и получше, но я люблю этот мир и не хочу его покидать...

— А люди тогда откуда взялись?

— Сами завелись, — серьезно ответил он. — А если взаправду — не знаю, никто не знает. Вероятно, вы — тоже дети Создателя, так ведь ваши священники учат?

— Незапертые двери... — проговорила я и сильнее сжала в руке странную вещь. — Двери...

Мне ведь показалось, что она похожа на ключ! Так не может ли она и в самом деле им оказаться?

— О чем ты? — шепнул Ирранкэ, и я сбивчиво объяснила ему, что мне вдруг пришло в голову. — Хочешь сказать, у меня на шее висит ключ самого Создателя?

— Ты же сам сказал, что он был большим шутником, — сконфуженно ответила я, — вдобавок рассеянным. Вдруг он потерял этот ключ, потому и двери за собой не запирает? Ох, ну и чушь я несу!..

— Нет, Марион, — сказал вдруг Ирранкэ совсем другим тоном, и я почувствовала, как

он напрягся. — Это не чушь. В этом что-то есть...

— О чем ты?

— Этот ключ... будем уж называть его так, — он накрыл мою руку своей и сжал пальцы, — передается у нас из поколения в поколение. Мы используем его, как умеем, но не понимаем и сотой доли его свойств. Это просто забылось за давностью лет, а может быть, никто никогда и не знал, на что именно он способен. Мы пытались исследовать его, но тщетно, удалось лишь подметить некие закономерности... Увы, даже нашего века не хватит, чтобы проверить, не было ли это случайностью! Но это не так важно. Мы живем долго, но есть те, кто старше нас. И, возможно, старше этого мира.

— Ты о Создателе? — Мне стало холодно.

— О его ровесниках, — шепнул мне на ухо Ирранкэ и обнял обеими руками. — Существует старая-престарая легенда о том, что эти создания стремятся открыть некую дверь, но не способны сделать этого. У них нет ключа.

— А взломать замок они не могут?

— Смогут, если наберут достаточно мощи. А для этого им нужно высосать все силы из мира, где они оказались... Они ищут свою родину, то место, откуда их изгнали люди, самые обычные люди, — он тихо засмеялся, — чьи потомки охраняют дверь и по сию пору! А эти твари — их остается все меньше и меньше, но даже одна такая может опустошить всю округу, чтобы набраться сил, — идут все дальше и дальше, если им удастся обнаружить приоткрытую дверь. Их можно остановить, говорится в легенде, можно и убить, можно запереть и запечатать двери, чтобы твари никуда не ушли из умершего уже мира и сдохли от голода. Но если они заполучат ключ, открывающий любую дверь, для них не останется преград. И тогда...

— Нам конец? — прошептала я.

— Нет.

— Ты же сказал, они выпивают жизнь из тех миров, где оказываются!

— Выпивают — для того, чтобы хватило сил прорваться в другие места. А на своей родине они жили бок о бок с людьми, как мы живем, не замечая мелких зверушек... если вдруг не захочется позабавиться, устроив крысиные бои или тараканьи бега! Марион? Ты дрожишь?

— Да. — Я вздохнула поглубже и положила ладонь ему на грудь, на странный рисунок, туда, где ровно билось сердце. — Ты будто страшную сказку рассказываешь! Только это не сказка. И если это в самом деле ключ...

— То мы использовали его не по назначению, — закончил Ирранкэ. — Нужно было запереть дверь и уничтожить его. Но мы не знаем даже, где эта дверь и как ее найти! И одна ли она? А ключ прочнее, чем кажется: даже пламя огненных гор его не возьмет, что уж говорить о кузнечном молоте!

Он умолк ненадолго, потом добавил:

— Кажется, теперь я знаю, что должен сделать. Правда, не представляю, как именно, но время у меня еще есть. Вот, значит, что означали мои предвиденья...

Я промолчала. А что я могла сказать? «Не жертвуй собой ради призрачной цели», как пишут в тех же романах, которые дамы читают друг другу вслух? Ирранкэ все равно не послушает, раз уже все решил для себя! Но может... может, он все-таки сумеет вернуться? Не ко мне, какое там! Просто — вернуться живым, к своим родным, у него ведь есть семья... Если бы у меня была волшебная палочка, я загадала бы такое желание.

— Знаешь, — он вдруг коротко рассмеялся, — ты была права. Я боюсь смерти. Я не видел еще и сотой доли чудес этого мира!

— Я не видела ничего, кроме этого замка, нашего городка и ближней деревни с ярмаркой. Хотя, наверно, если сравнивать людей с алиями... — не удержалась я, порадовавшись, что он сменил тему, — то на то и выйдет. А ты, как ребенок, хватаешь то, что попало под руку?

— Будь я таков, я бы всех ваших придворных дам перебрал, как тот самый ребенок — цветные камушки, — ответил он с усмешкой. — Не в том дело. Луна позвала, и цветы... будто лепестки ветром подхватило, голова пошла кругом...

— Неужто ты бы остановился, если б я сказала «нет»?

— Остановился бы, — негромко сказал Ирранкэ. — Никогда в жизни я никого не брал силой. А ты боялась, я чувствовал.

— И все же промолчала.

— Да. Но вовсе не потому, что опасалась отказать вельможе, просто не знала, каково это, и не хотела показаться смешной и неуклюжей...

— Опять угадываешь мысли?

— Конечно. Я ведь живу достаточно давно, чтобы научиться разбираться в человеческих побуждениях, не забывай. Довольно слов...

Заглянувшая в окно полная луна отразилась в его глазах, как в бездонном колодце, и я падала в него, падала, падала...

Наутро я проснулась одна. О том, что Ирранкэ был со мной, напоминала только смятая постель, а еще — цепочка у меня на шее. Та самая, с ключом на ней.

Алии уехали на рассвете, все разом, не потрудившись ничего объяснить, вот что я узнала поутру. Больше они не появлялись в наших краях.

В комнате еще долго пахло первым снегом, хотя на дворе стояла весна.

Моя дочь родилась на переломе зимы, в страшную вьюжную ночь, когда буря бушевала так, что дрожали ставни, а вой ветра мешался с волчьим воем — стая бродила совсем рядом с замком, в ближнем лесу...

Мне долго удавалось скрывать свое положение: я, повторюсь, рослая и крепкая, а под передником поди разгляди что-нибудь... Однако настало время, когда таиться уже не было возможности, и тогда хватило мне и заугольных шепотков, и любопытных взглядов. Всем интересно было, кому же это неприступная Марион доверила ключи от своей твердыни? Даже герцог как-то поинтересовался, но я смолчала... Боялась только: не выставил бы прочь! Но нет, обошлось, как и с бабушкой Бертой. Кому какое дело, от кого прижила ребенка ключница, если она не пренебрегает своими обязанностями?

Я до последнего срока не оставляла службы, повезло мне: дамы, я знала, неделями, а то и месяцами отлеживались в постелях, зеленея от одного вида еды, но меня миновала эта напасть. Должно быть, тут матушкина кровь дала о себе знать: она семерых... восьмерых, считая меня, родила, не оставляя хозяйства ни на день, и самый ее младшенький оказался на два месяца старше моей дочки.

В замковой книге дочь ключницы записали как Ирену Трай, а я (а вслед за мной и прочие) называла ее Ири — радость по-алийски. Пускай слез мне тоже хватило с избытком, я не хотела об этом вспоминать.

Повитуха, меня самую принимавшая у матушки, говорила о моей дочери, что в жизни не видала такого красивого ребенка. По мне, так все младенцы одинаковы, но когда Ири подросла, о том же начали твердить и служанки, и даже знатные дамы: им нравилось возиться со спокойной и послушной девочкой. Сколько красивых платьиц, из которых господские дети выросли, не успев их даже примерить, досталось моей дочери, и не счесть! Я не возражала: мне нужно было работать, и если первые несколько недель у меня жила младшая сестра, помогавшая с ребенком, то потом мне приходилось справляться одной. Признаюсь, я опасалась, что Ири перестанет считать меня матерью, я ведь появлялась так редко... Но нет: она всегда тянула ко мне ручонки и не обижалась, если я надолго отлучалась.

Ири рано пошла, а вот заговорила только на втором году, но зато сразу целыми фразами. И с тех пор она всюду была со мной, ходила, цепляясь за мою юбку, смотрела и слушала, все запоминала, как я когда-то с бабушкой Бертой.

Она любила бывать на кухне и помогать поварьям (конечно, никто не доверил бы Ирине следить за кастрюлями, но ошипывать дичь, чистить рыбу, лепить пироги и украшать их она научилась очень быстро). Да мало ли найдется работы для проворной девчонки! Она бегала и на конюшню — лошади ее любили, и на псарню, возиться с щенками, и в птичник — задавать корм курам и гусям. А потом, отмывшись как следует и принарядившись, сиживала в покоях у знатных дам: те, повторюсь, рады были привечать красивую, приветливую и умную девочку, звали ее то почитать вслух (это искусство Ири постигла как-то незаметно, когда пробиралась на уроки детей вельмож и тихонько сидела в уголке), то музицировать и танцевать...

Никто не учил ее этому нарочно, но даже старый преподаватель, помнивший еще деда нашего герцога, говорил, что у Ири удивительный слух, а грации ее движений позавидует

любая принцесса: когда она начинала двигаться под музыку, казалось, она вовсе не касается паркета, и дамы ставили ее в пример своим дочерям. Ну а запомнить не такие уж сложные па придворных танцев даже мне было под силу, что уж говорить об Ири!

Наверно, каждой матери ее ребенок кажется самым лучшим, особенным и одаренным... Но что же тут скажешь, если Ири в самом деле выделялась среди других девочек?

Я же боялась только одного: кто-нибудь догадается, чья Ири дочь. И ведь это было так легко понять! От меня она взяла только смоляной цвет волос, но все остальное... У нее была белая кожа, не сгоравшая на солнце, но лишь едва золотившаяся от загара, тонкие черты лица, легкая кость, гибкая фигурка — ничего общего с моей крестьянской основательностью, — но при этом немалая сила. И глаза... Создатель, эти глаза! Помню, поначалу я не могла в них смотреть. Потом привыкла — это была Ири, не Ирранкэ, и в ее глазах я видела не море, а грозное небо, и отблески солнца в лесном озере, и блеск росы на весенней траве...

Она пахла первым снегом. И ландышем.

Алии в наших краях не появлялись. И никто не приезжал за ключом, который я с той самой ночи носила на шее не снимая.

«А ты был бы рад, наверно, узнав, что у тебя есть дочь, — подумала я, расчесывая на ночь волосы. — Это же намного больше, чем просто воспоминание! Да что там, как можно сравнивать подобное?»

— Мама, ты что, плачешь? — окликнула Ири. — Что случилось? Тебя кто-то обидел?

— Нет, — покачала я головой, а она забралась ко мне на колени. — Правда, звездочка, все в порядке. Так... вспомнилось кое-что.

— Ты о бабушке думала? — поразмыслив, спросила Ири: я сидела перед зеркалом, о котором ей уже рассказывала, отсюда, наверно, и взялся ее вывод. — То есть твоей бабушке?

Я молча покачала головой. Почему-то дочери я лгать не могла.

— О твоём отце.

— Ты о нём никогда ничего не говоришь, — сказала Ири и заглянула мне в лицо. — Он тебя обидел?

— Да что ты!

— А где он тогда?

— Умер, — ответила я и сжала губы, потому что не хотела в это верить. — Он умер, звездочка. Ты очень на него похожа.

И это было правдой: теперь, когда Ири исполнилось восемь, стало ясно, что она — одно лицо с Ирранкэ. Те же высокие скулы, прихотливо изогнутые брови, и тонкий нос с едва заметной горбинкой, и твердая линия рта. Только у него губы были по-мужски узкими, а у Ири — красиво очерченными, алыми, как кровь на снегу... Начнешь разглядывать все по отдельности: вроде бы и ничего особенного и писаной красавицей не назовешь. А потом взглянешь — и оторваться невозможно! А глаза... Ох уж эти глаза!

— Так часто говорят, если мужчина взял и ушел, — вдруг сказала она. — Я слышала от служанок. И от нашей бабушки. А на самом деле вовсе он не умер, а просто у него еще жена есть и другие дети!

— Твой отец не был женат, — ответила я, хотя не знала наверняка. — И он знал, что уходит умирать. Останься он в живых, вернулся бы, это уж точно.

«Не ко мне, так за ключом», — добавила я про себя.

— Он был хороший? — тихо спросила Ири.

— Я его почти не знала, — честно сказала я. — Я понятия не имею, каким он был в обычной жизни. С виду — вроде нашего герцога, суровый и властный, а со мной...

Я прижала дочку к себе, вдохнула морозный запах...

— А плакать не надо, — попросила Ири. — Мама? Ну что с тобой сегодня?

— Он говорил точно так же... — вздохнула я, смахнув слезы. — Когда прощался. Ну, довольно! Идем спать.

— Ага... Завтра к бабушке ходим?

Я кивнула, задула свечу и забралась под одеяло.

Так-то Ири частенько бегала к моей матери одна, то гостинец относила, то просто так — поиграть со сверстниками. Здесь-то, хоть детей и хватало, но... Отпрыски слуг — вечно заняты, подай-принеси, нарежь-почисти, помой-подмети, а дети знатных особ заняты учебой либо рукоделием, с ними не пойдешь головастики в канаве ловить! Но не дело ведь сидеть сиднем день деньской, да и хозяйственные дела наскучивают в таком-то возрасте... Я помнила, как бабушка отправляла меня к маме погостить и развеяться, и сама так же поступала с Ири.

Вот только намеренно дочка сказала, что в прошлый раз, когда она несла бабушке лучшие пирожки от нашей кухарки, за ней увязался какой-то мужчина. Ири убежала и спряталась в овраге, и просидела там чуть ли не до заката, боясь, что тот человек где-то поблизости, и только вечером побежала сломя голову к бабушке. Назад ее мой старший брат проводил, спасибо ему, но больше я не собиралась отпускать дочь одну. Пускай ей едва сравнялось девять, но мало ли падких на красоту ублюдков? Не рухнет замок, если ключница на полдня отлучится...

«А ты все-таки остался со мной, как я и просила, Ирранкэ, — подумала я, дотронувшись до ключа. Я заменила его серебряную цепочку на железную, дорого заплатила мастеру, чтобы сделал попрочнее, тройного плетения, как у лучшей кольчуги. Сам ключ спрятала в кожаный мешочек, а цепочку перевила сыромятным шнурком, на котором этот мешочек висел. Наверно, проще было оторвать мне голову, чем сдернуть эту подвеску! — Жаль, ты никогда не увидишь Ири. А я никогда не забуду тебя. Как жасмин зацветет — ты тут как тут...»

Жасмин благоухал так, что дыхание останавливалось: Ири принесла целую охапку свежих ветвей и поставила в кувшин, сказала, садовник подстригал кусты и срезал лишнее, так не пропадать же такой красоте!

* * *

Мы вышли еще до рассвета и, право, славно было идти по мокрой от росы траве! Как я любила в детстве пробежаться вот так по лугу, раскинув руки, а потом упасть на спину и смотреть в бездонное небо, на облака, в рисунке которых мне мерещились то конные рыцари, то драконы с грифонами, то прекрасные дамы с единорогами, а то просто пушистые коты...

— Мам, я разуюсь, — сказала вдруг Ири и, не дожидаясь моего разрешения, живо скинула ботинки и чулки. — Как хорошо!

— Холодно еще, — нахмурилась я, но она только помотала головой:

— Вовсе нет! Сама попробуй, земля совсем теплая, а трава такая щекотная...

А и правда: когда-то я и сама бегала босиком чуть не до снега, а теперь, гляди-ка, остепенилась, подумать смешно!

— Погоди... — Я тоже разулась и ступила на прохладную траву. — Ой!

— Ты не привыкла просто! Иди вот так, тут мягко... А тут осторожно, мам, крапива уже вылезла, а она по весне такая жгучая, просто ужас... А лучше закрой глаза! Ну, закрой, я тебя за руку поведу!

— Ну хорошо, — сдалась я и зажмурилась. — А зачем это?

— А ты шагни, и почувствуешь, — серьезно сказала Ири. — Что у тебя под ногой? Какое оно?

— Что-то прохладное... гладкое, — подумав, ответила я. — Подорожник?

— Верно! А тут?

— Шершавое... никак лопухи уже проклюнулись? Так, а это вот точно крапива!

— Угадала! — засмеялась Ири и потянула меня вперед.

Молодая трава щекотала ступни, и я вдруг словно вернулась в детство, когда вот так же могла узнать, не глядя, на что наступила: на нежные пушистые листочки земляники, на жесткие кожистые листья ландыша (он-то что на обочине позабыл?), на клейкую по весне заячью капусту, мохнатый и не колкий еще репейник, мягкий бархатный мох или прошлогоднюю осклизлую солому...

Ири скакала вокруг меня козленком, но вдруг замерла, прислушиваясь, и сказала:

— Едет кто-то по дороге. Конных десятков и... да, карета. Мам, может, лучше лесом пойдем? Ну их...

Я ничего не слышала, но привыкла уже к тому, что Ири чуть не за полдня пути может угадать, много ли народу явится в гости в замок, поэтому кивнула.

— Не заблудимся?

— Да где же там плутать? — удивилась она и потащила меня в рощицу. — Вот он, тот овраг, а от него до бабушкиного дома рукой подать!

В весеннем лесу было до того хорошо, что я позабыла, куда и зачем мы идем.

— Скачут... — шепнула вдруг дочь и дернула меня за рукав, вынуждая присесть. — Гляди!

Сквозь прозрачный еще кустарник я увидела промчавшихся всадников и запряженную четвериком карету.

— Это теща нашего герцога, — сказала я, разглядев герб на дверце экипажа, и невольно улыбнулась. — Он ее так страстно любит, что наше отсутствие ему только на руку! Авось ей не понравится прием, она и уедет восвояси.

— А тебя честно отпустили, — добавила Ири. — Как положено. А что она заявила без спросу, так мы не виноваты, правда?

— Ага! — улыбнулась я. — Так где, ты говоришь, короткий путь через овраг?

— Я покажу! Идем, мам! — загорелась она. — Только там ручей наверняка разлился, но это ничего, он не очень глубокий!

Конечно же, мы вымочили юбки, хоть и подоткнули их выше колен, измазались, потом долго отмывались в том самом ручье... И мне вовсе не хотелось идти ни к матушке, ни обратно в замок. Весенний лес был невыразимо прекрасен! Уже начали пробовать голос соловьи, негромко отсчитывала чьи-то годы кукушка, нежно пахли ландыши — ими поросли целые поляны, — и мокрая трава, и едва развернувшиеся блестящие листья, и молодая хвоя цветущих елей и сосен...

— Мам, гляди! — раздался голос Ири, и я, вздрогнув, очнулась. — Какие милые!

Ей под ноги выкатились четыре меховых клубка, мне показалось сперва — щенки... Да,

щенки, только волчьи! Откуда бы тут взяться собакам?

— Чудо какое! — Ири схватила сразу двоих в охапку и повернулась ко мне, улыбаясь во весь рот. — Правда, мам?

— Оставь их, — тихо попросила я. — Не трогай. Идем скорее отсюда...

— Ну почему-у! — воскликнула она, отпустила щенков и, подоткнув юбку, упала на четвереньки. — Смотри, какие смешные! Тяв!..

Щенкам понравилась новая игра, они насакивали на Ири, били лапами и игриво покусывали ее за рукава, за подол, а она только смеялась да норовила повалить их в траву и мягкий мох и в шутку пугалась, когда острые щенячьи зубы щелкали возле самого ее носа.

Надо было хватать дочь и тащить прочь, и я уже сделала шаг вперед, как вдруг...

Что-то холодное коснулось моей руки. Я посмотрела вниз и оцепенела: рядом со мной стояла волчица. Крупная, хоть и худая волчица с отвисшими сосцами, перелинявшая уже, серовато-бурая.

Я встретила взглядом с желтыми волчьими глазами...

Говорят, на диких животных нельзя смотреть в упор, они принимают это за вызов. И еще — от меня наверняка оглушительно пахло страхом, а звери ведь отлично это чувствуют!

«Только не трогай Ири, только не ее, лучше меня... — вот все, о чем я могла думать в ту минуту. — Мы же ничего тебе не сделали, мы просто шли мимо, а она ребенок, как твои щенки, видишь, они играют?»

Она вздохнула, села рядом, снова коснувшись холодным носом моей руки, и уставилась на возню своих щенят с моей дочкой.

— Угощайся... — шепотом сказала я, осторожно подняв руку и вынув из корзинки пирожок с мясом.

Волчица глянула на меня, понюхала гостинец, взяла пирожок и улеглась, зажав его в передних лапах и откусывая понемножку. Когда она закончила, я достала второй, разломала и предложила ей половину. Волчица не отказалась.

— Вот ведь глупые, — сказала я зачем-то, кивнув на детей, которые носились взапуски по поляне, топча первоцветы. Потом подумала и села на траву. Что стоять-то? Если волчица захочет, она так и так меня задерет, не отобьюсь. У меня при себе даже палки нет, а мой маленький нож волчице — что заноза. Я ведь не опытный охотник, чтобы плотку ей одним движением перерезать!

Волчица облизнулась и ухмыльнулась во всю пасть. Я не удержалась, боязливо протянула руку и положила ее на щетинистый загривок. Собаки на ощупь совсем не такие...

Мы успели прикончить почти все пирожки к тому времени, как дети наигрались и кинулись к нам. Я уже и не пыталась отбиваться от волчат, лезущих ко мне на колени, и не думала отпихивать Ири, бросившуюся к волчице.

— Это она, мам! — радостно сказала дочка, обняв ее за шею. Волчица ласково лизнула ее в ухо. — Когда я от того дяденьки пряталась в овраге, она пришла и сидела рядом, пока он не ушел. А ее муж увел собак за собой! У него собаки были, я разве не говорила? Наверно, охотиться ехал.

— Не говорила... А куда он делся? — зачем-то спросила я. — Волк, не дяденька.

— Не вернулся, — помолчав, ответила Ири. — Видишь, какая она худая? Охотиться некому, она одна осталась.

Я переглянулась с волчицей, она устало прикрыла глаза. Кажется, мы понимали друг друга.

— Так мы идем к бабушке?

— Да нет уж, пожалуй, — вздохнула я, взглянув на ее перепачканное платье. — Вернемся обратно. В другой раз сходим.

— А и ладно! Зато я их повидала! — весело сказала Ири и снова сгребла в охапку подвернувшихся волчат. — Знаешь, какие они маленькие были смешные? Во-от такусенькие, пушистые, клубочки-колобочки!

— А ты откуда знаешь? — нахмурилась я.

Волчица снова ухмыльнулась во всю пасть.

— Ну... я когда к бабушке шла, всегда сюда сворачивала, — повинилась Ири. — Посмотреть, как они. И приносила что-нибудь, а то рано-то по весне совсем голодно, дичь тощая, да и много ли в одиночку наловишь тех зайцев?

— Вот и воспитывай ее! — сказала я волчице. — Спасибо, что не закусила ею. Она одна у меня.

Та только фыркнула, смешно сморщив черный нос, и встала. Волчата мигом подкатились к ней, а когда мать потрусилась в лес, пристроились след в след, как взрослые.

— Чего я еще о тебе не знаю? — спросила я Ири, когда она отряхнула подол и выпрямилась.

— Ну... ты же не разрешила бы мне ходить к волкам, — серьезно сказала она, подумала и добавила: — И лосей угощать. Они соленые ржаные сухари любят. А маленькие лосята тоже ужасно смешные! Ноги — во-от такущие!

— Лоси — еще куда ни шло, — тяжело вздохнула я. — Но...

— А к медведю я не ходила, — поспешно заверила Ири. — То есть, конечно, я его знаю, но так... иногда вижу, когда через малинник летом иду, зимой-то он спит. Ну так я здороваюсь да прохожу скоренько... Хотя...

— Что? — спросила я, понимая, что сейчас сойду с ума.

— Да нет, ничего, — сказала она, посопела и созналась: — Бабушкино варенье в прошлом году... Я тебе сказала, что горшочек разбила, а на самом деле ему отдала. Он сластена такой, унюхал и привязался — угости да угости... Ты не злишься, мам?

— Нет, я просто в ужасе, — честно ответила я. Рука еще помнила прикосновение волчьего носа. — Идем домой.

— Правда не злишься? — допытывалась Ири. — Мам, ну он очень просил, я и дала попробовать... А ему тот горшочек — два раза лизнуть. Вот. Мама? Ты что?

— Ничего, — покачала я головой и утерла глаза. — Я не буду сердиться, ты только говори мне, что делаешь и куда идешь, а то... где тебя искать-то, случись что?

— Звери меня не тронут, — со странной уверенностью заявила дочка. — Я знаю. Если я им вреда не причиню, то и они... Люди хуже. Они не понимают.

— Я тоже? — зачем-то спросила я.

— Ты понимаешь, — подумав, ответила Ири. — Ты же говорила с волчицей, а она отвечала! А другие бывают хуже зверей, ничего им не объяснишь...

— Только в замке такого не скажи, — попросила я, взяв ее за плечи. — А не то... такого насочиняют!

— Не скажу. Говорю же — они не понимают. Не слышат даже. Ни собак, ни лошадей... Вот Марта-скотница — та умеет с коровами разговаривать, но она сама по себе, — Ири вздохнула, — не очень умная.

У Марты и впрямь с головой было неладно, но она хорошо ладила со скотиной, умела

успокоить даже самую бодливую корову или буйного бычка, козы ходили за ней как привязанные, и даже дерзкий петух, однажды клюнувший самого герцога, слетал к ней на могучее плечо и ласково щипал за ухо.

Я вспомнила Ирранкэ: видела, как он гладил коня, собираясь в дорогу, и вроде бы шептал ему что-то, а жеребец норовил положить голову ему на плечо и ласково фыркал... Может, у Ири алийская кровь так сказывается? Или просто совпадение?

— Идем, — сказала я, подумала и добавила: — А увидишь того человека, что к тебе руки тянул, укажи мне на него. Ему не поздоровится!

— А что ты ему сделаешь, мама?

— Убью, — спокойно ответила я. — Так ведь поступают волчицы?

А время шло незаметно: я вдруг обнаружила, что стала тетушкой нескольких племянников, — это мои братья успели жениться и обзавестись потомством, сестры тоже — какая была сговорена, какая на выданье. Вот когда пригодились припрятанные деньги: кому на свадьбу подарок приготовить, кому на рождение!

Ири выросла настолько, что ее вполне можно было принять за взрослую девушку, и хоть одевалась она очень скромно, на нее все равно глазели и юнцы, и бородатые мужчины, и это меня пугало.

— Хоть с головой в портьеру заворачивайся, а лучше в рыцарские доспехи прячься, — ворчала она вечерами, — ты посмотри, мам, опять синяк! Это маркиз Арлен, щиплет, как гусак. Из самого уже песок сыплется, а он все «внученька» да «внученька»! Пень старый...

Что я могла поделаться? Ко мне, помнится, не больно-то приставали, но я в этом возрасте не была и вполовину так хороша, как Ирена! Гонять от нее слуг было мне по силам, да она и сама могла и ответить, и оплеуху дать: рука у дочки оказалась потяжелее моей. Но то слуги, они понимали, что не про их честь такой цветок расцвел. Однако, если им прикажут доставить девочку господину...

Но куда деваться? Отправить Ири в деревню к бабушке, смотреть за малышкой? Но там тоже парней хоть отбавляй, затащат на сеновал, всего и дел-то... как вон матушку мою. Та, положим, не больно-то сопротивлялась, потому как мой отец оказался ей по нраву, но она была уже взрослой, а Ири еще ребенок! Да и не отобьется она от двоих-троих.

Если бы удалось пристроить ее горничной к какой-нибудь знатной даме или девице из тех, что сумели бы защитить! Ведь Ири умела и одеть госпожу, и причесать, и даже лицо нарисовать, уж молчу о шитье и прочем... Но куда там! Какая женщина потерпит подле себя и своих дочерей горничную, которая намного красивее их? Даже дряхлые старухи подбирают служанок понебезразличнее: такие и с кавалерами по углам не обжимаются, и вообще... знают свое место.

Когда меня одолевали такие мысли, я звала ее и шли мы прочь из замка, обычно ночами, недалеко, до оврага. Ири разведала, как можно выбраться наружу, минуя стражу: в старой башне, которая все никак не могла обрушиться, хотя с ее макушки то и дело падали камни, имелся подвал, а из подвала лаз вел за пределы крепостных стен. Конечно, я запрещала дочери лазить на эту башню, она и не лазила... на нее, а насчет подвалов уговора не было — так она и заявила, когда я отругала ее за рискованные похождения и испачканное платье.

Зимними ночами из леса выходили волки. Может, те самые, может, другие, я среди них отличала только ту волчицу, а вот Ири, казалось, знает каждого.

Иногда мимо проходили лоси — огромные и неуклюжие с виду, они двигались удивительно быстро и плавно на длинных своих ногах, взрезая грудью глубокий снег, будто невиданные корабли бороздили пенные волны, и исчезали в лесу. Правда, против соленых сухарей устоять не могли — подходили полакомиться. Особенно лосята любили угощение, совались бархатными мордами в руки, забавно сопели и косили темными глазами — не припрятали ли мы чего-нибудь?

Время от времени откуда-то из темноты бесшумно слетала на мягких крыльях сова — только и заметишь дуновение ветерка, — и снова пропадала.

Ранним утром на снегу мышковали лисы, ослепительно-огненные на белом...

Ну а весной и летом в лесу было раздолье! И по осени — я никогда не забредала так глубоко в лес, как делала это теперь, с Ири.

— Откуда ты знаешь, что это съедобные ягоды? — спрашивала я в который раз.

— Птицы клюют, значит, съедобные, — отвечала она, набивая рот.

— Лоси вон мухоморы едят!

— Но это же совсем другое, мама, — серьезно говорила Ири. — Попробуй. А вот те не трогай. Они тоже красивые, но ядовитые.

— Их ведь тоже птицы клюют.

— Не все, сама посмотри! Только красногрудки, а остальные даже и не пробуют!..

Казалось бы, после таких походов я должна была целый день клевать носом и едва волочить ноги, а Ири тем более, но нет! Я забыла, когда в последний раз маялась после бессонной ночи, и началось это... Верно, как раз после рождения Ири. Случалось подобное и раньше: тогда Ирранкэ коснулся моего лица, и я еще несколько недель вставала бодрой и выспавшейся, даже если удалось урвать всего пару часов сна, но потом это сошло на нет. А когда появилась Ири, я с ужасом думала о том, как буду то и дело вскакивать ночью к дочке, а утром приниматься за работу, но... Ири оказалась на редкость спокойной, почти всю ночь спала беспробудно, а я перестала мучиться от недосыпа. Бабушка говорила: под старость люди спят меньше, но мне-то до старости было еще далеко... Чудеса да и только!

Однако никакое чудо не может длиться вечно, закончилась и наша пускай не вовсе беззаботная, но все-таки спокойная жизнь...

Близился праздник — герцогу нашему сравнялось полвека, и он намеревался отметить это событие со всей родней и знакомцами. В замке началась привычная суэта: проветривали и протапливали гостевые покои, служанки носились туда и сюда с перинами и подушками, выбивали портьеры и ковры, надраивали перила и паркет, чистили хрусталь, серебро и бронзу. Кухарки сбились с ног ожидалось немало гостей, и наготовить снеди на такую ораву было делом не из простых!

Ну и я за несколько дней ни разу, считай, не присела: тем отопри кладовую с постельным бельем, этим — сундук со столовым серебром, да пересчитай его заодно... Сбегай туда, сбегай сюда, проверь вместе с экономом и распорядителем, все ли везде в порядке, достаточно ли привезли вина и прочих напитков, хватит ли припасов, не ударит ли хозяин лицом в грязь перед знатными гостями? С нас же и спросят, окажись что не так!

Ири была при мне неотлучно: порой нужно срочно отправить кого-нибудь с поручением, а пока поймаешь какого-нибудь слугу... он, пока добежит, половину забудет, а другую — перепутает! Ири хоть понимала что к чему, а память у нее была лучше некуда, раз скажи — запомнит от и до. Вот она и летала туда-сюда, то на кухню, то еще куда.

Так и вышло, что когда явился очередной гость, обе мы оказались во дворе, как и другая челядь, и видели пышный кортеж — это был какой-то заморский вельможа, так закутанный в меха, будто на дворе стояла не теплая осень, а лютая зима.

Оказалось, что и нас увидели. И запомнили...

Праздновали, как водится, долго и очень, очень богато — негоже скупиться ради такого дела, заявил герцог, и ни супруга его, ни сыновья не могли возразить. Я знала, что у старшего, наследника, человека не то чтобы скупого, но прижимистого, сердце кровью обливается при виде таких безмерных и бессмысленных трат (видно, он удался в свою бабушку), да и младшему милее не пиршества, а путешествия, на которые отец ему денег жалеет... Но разве скажешь хоть слово поперек?

— Когда ж это закончится? — простонала старшая кухарка, утерев пот со лба, и тут же крикнула: — Эй, там, ставьте еще тесто да порубите цыплят!

— Еще дня два потерпи, — сказала я, потому что сама уже не чаяла избавиться от этой шумной толпы. Вот, заглянула к ней якобы с поручением, а на самом деле просто передохнуть, пускай даже в кухонной жаре и чаду. — Кое-кто уже отбыл, скоро и остальные по домам потянутся. Путь неблизкий, им успеть бы до снега вернуться.

— Твоими бы устами да медок наворачивать, — пробурчала она и пошла по кухне, отвечивая подзатыльники поварьям и пробуя кушанья. — Сколько они сожрали — это ж снеди на целую деревню!

— Марион, тебя герцог ищет! — заглянул с лестницы лакей.

— Это еще зачем?

— Он мне не докладывается, сказал, чтоб явилась к нему, и все, — пожал тот плечами и убежал прочь.

— Подожди меня здесь, — велела я Ири, и та кивнула. Пусть лучше побудет под присмотром Катрины, которая меня девчонкой помнит, чем окажется одна наверху, где полным-полно нетрезвых мужчин! — Катрина...

— Пригляжу, — махнула она гигантским половником. — Ири, а ты не стой столбом, порежь-ка пока вон овощи!

Я отряхнула передник, пригладила волосы и живо взбежала по лестнице. Мое счастье — годы меня почти не брали, как бабушку Берту и матушку, а то иные в моем возрасте уже старухи старухами! Повезло, ничего не скажешь...

— Ваша светлость? — присела я в реверансе, когда камердинер впустил меня к герцогу. — Чего изволите?

— Есть у меня к тебе разговор, Марион, — негромко произнес он, мучительно икнул, отпил из бокала и скривился. Это было не вино, а какой-то лечебный отвар, поняла я по терпкому запаху. Ну что же, если пировать несколько суток кряду, в самом деле худо придется, тем более его светлость уже не мальчишка. — О твоей дочке.

Я заставила себя сохранять спокойствие, хотя внутри у меня что-то оборвалось.

— Красивая выросла девчонка, — продолжал герцог, — смышленная и обходительная. Приодеть, причесать — настоящая принцесса получится, а?

Я молчала, не понимая, к чему он клонит.

— Внук одного из моих уважаемых гостей, дэшавара Урзы, увидел Ирену, — сказал он, а я попыталась сообразить, о ком он говорит.

Ах да, это тот раззолоченный вельможа, который все время мерз и требовал натопить сильнее и принести еще жаровен, хотя в его покоях и так стояла нестерпимая духота.

— Увидел и сказал, что хочет взять ее в жены, — продолжал он. — Это самый любимый из внуков дэшавара Урзы, сын его единственной, ныне покойной дочери. Он не наследник и никогда им не будет, но дед потакает ему во всем, Марион, слышишь? Во всем! А мне позарез нужны его корабли и его связи, потому как торговля с югом — это не золотая, это бриллиантовая жила! И если я окажу своему дорогому другу крохотную услугу... — герцог улыбнулся, — он станет намного сговорчивее.

— Вот как... — сумела я выговорить.

— Да. Если мы сумеем угодить его обожаемому внуку, так похожему на безвременно покинувшую этот мир Алишу, да лягут облака коврами под ее ноги, — передразнил его светлость южного гостя, — переговоры пойдут намного легче.

— Но Ирена ведь простолюдинка, — прошептала я.

— Для южан это имеет значение только в том случае, если заключается политический брак, — ответил он. — В остальном... красота, или деньги, или все разом, вот как они выбирают невест. Вдобавок... — тут герцог подался вперед, едва не опрокинув кубок, — она не вовсе безродная, верно? Наши с тобою деды, Марион, были сводными братьями, и об этом не слыхал только глухой! Да и взглянуть на нас — похожи ведь, а?

— Да, ваша светлость, — ответила я, пытаюсь сообразить, как теперь быть.

— И отец Ирены, сдается мне, был отнюдь не подлого происхождения, — хмыкнул он. — Сознайся наконец, от кого ты ее нагуляла? Уж не от дальнего ли нашего родственничка, виконта Иддена? Что глаза прячешь? Угадал? Больно уж девчонка на него в профиль похожа, а сам Идден давно носа к нам не кажет...

Я промолчала, решив, что так будет лучше, а виконт, которого я помнила крайне смутно, переживет приписанного ему внебрачного ребенка, тем более девочку.

— Угадал, похоже, — довольно сказал герцог. — Ну да это уж мелочи. Сколько ей лет-то, запомятовал?

— Зимой будет двенадцать, — выговорила я. — Ваша светлость, она ведь еще ребенок! Как же...

— Ничего, вон какая кобылка вымахала, на все пятнадцать потянет, — фыркнул он. — В тебя статью пошла, похоже... А что молода, не страшно, на юге девчонок как раз в этом возрасте и отдают. Ну да мы годок-другой припишем для верности... И не благодари!

Я уставилась на него во все глаза.

— Что ей тут делать-то? — спросил герцог, допив свой отвар и передернувшись. — Замуж ее кто возьмет? Такой же, как ты? Да и не успеют присвататься — принесет в подоле, уж поверь. Чтоб мимо такой красоты пройти да утерпеть — это надо святым быть, а у нас тут таких не водится. Сколько еще ты сможешь ее укарауливать? А то сама влюбится в проходимца какого-нибудь да и сбежит с ним. Так хоть пристроена будет, на золоте есть, на шелках спать, в собственном дворце жить...

«А потом она надоест этому мальчишке и отправится на кухню, а то и на невольничий рынок, — могла бы я сказать, но сдержалась усилием воли. — Или он подарит ее какому-нибудь из своих придворных. Вроде бы у южан это в ходу: оделять отличившихся конем из собственной конюшни, перстнем со своей руки, одеянием с господского плеча... наскучившая жена ничем не хуже!»

[Купить полную версию книги](#)